

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯЛиРК
_____ И.В. Евсева
« _____ » _____ 2018 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ФОРМИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ
Н.В. ГОГОЛЯ: ЭТАПЫ, МЕХАНИЗМЫ, СТРАТЕГИИ**

45.04.01 Филология
45.04.01.02 Русская литература

Магистрант	_____	М.М. Ульянова
Научный руководитель	_____	д-р филол. наук, доц. Е.Е. Анисимова
Нормоконтролер	_____	А.А. Чуруксаева

Красноярск 2018

АННОТАЦИЯ

Тема магистерской диссертации – «Формирование литературной репутации Н.В. Гоголя: этапы, механизмы, стратегии». Диссертация представлена в объеме 92 страницы, включает в себя список использованной литературы, состоящий из 130 источников.

Ключевые слова: Н.В. ГОГОЛЬ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАНОН, НАЦИОНАЛЬНЫЙ КАНОН, ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ, ПОСМЕРТНАЯ БИОГРАФИЯ, НЕКРОЛОГ, ПИСАТЕЛЬСКИЙ ЮБИЛЕЙ.

Цель: реконструировать процесс становления и динамику литературной репутации Гоголя в 1852 – 1909 годы.

Задачи: 1) систематизировать теоретические исследования, посвященные закономерностям становления литературных репутаций и формирования литературного канона; 2) собрать и проанализировать гоголевские некрологи; 3) описать закономерности формирования посмертного мифа о Гоголе; 4) осуществить выборку публикаций о праздновании юбилеев Гоголя в столичной и региональной прессе 1902 и 1909 годов; 5) проанализировать обстоятельства и характер празднования 50-летней годовщины со дня смерти и 100-летия со дня рождения писателя; 6) рассмотреть динамику сюжетов о Гоголе в русской культуре середины XIX – начала XX веков; 7) исследовать и описать закономерности вхождения Гоголя в русский пантеон писателей-классиков.

Практическая значимость: материал исследования может быть использован при разработке курса истории русской литературы XIX века, в вузовском и школьном преподавании истории русской литературы XIX века. Освещение данной темы поможет в понимании механизмов изменения литературного канона в России.

Основные выводы и результаты исследования.

1. В момент смерти формируется несколько устойчивых сюжетов о писателе: Гоголя-мученика, Гоголя-подвижника от литературы; сюжет о безумии Гоголя.

2. Значительно больше внимания к смерти, прижизненной славе и высокому значению для современной литературы Гоголя в 1852 году уделяли прославнофильские издания. Если для прозападнического «Современника» Гоголь предстает важным для современности автором, одной из многочисленных потерь для литературы в 1852 году, но не более, то славянофильский «Москвитянин» помещает Гоголя в центр литературного поля.

3. Юбилеи 1902 и 1909 годов переставляют собой ключевой момент вхождения Н.В. Гоголя в национальный литературный канон. Два юбилея утверждают позицию писателя на вершине национального пантеона наравне с А.С. Пушкиным. Гоголь представляется родоначальником современной прозы и создателем современного литературного языка, пророком и нравственным ориентиром, выразителем национального самосознания.

Перспективы дальнейшего исследования: 1) изучить обстоятельства и характер празднования юбилеев Н.В. Гоголя в СССР, в частности, столетия со дня смерти в 1952 году; 2) проанализировать статистику и логику включения произведений Гоголя в дореволюционные и советские хрестоматии; 3) осмыслить биографии писателя в литературе русской эмиграции первой волны.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ.....	8
1.1. Рецептивная теория: литературная репутация как цепочка рецепций.....	8
1.2. Литературная репутация в оптике социологии литературы.....	19
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	30
ГЛАВА 2. НЕКРОЛОГИ Н.В. ГОГОЛЯ КАК ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ ПИСАТЕЛЯ.....	31
2.1. Функции некролога в становлении посмертной репутации автора.....	31
2.2. Некрологи Гоголя в контексте литературных дискуссий середины XIX века.....	42
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	52
ГЛАВА 3. ЮБИЛЕИ Н.В. ГОГОЛЯ 1902 И 1909 ГОДОВ: КОНСТРУИРОВАНИЕ СТАТУСА КЛАССИКА.....	54
3.1. Гоголевский юбилей 1902 года в столичных журналах.....	54
3.2. Пятидесятилетие со дня смерти Гоголя в сибирской прессе.....	62
3.3. Освещение юбилея Гоголя 1909 года в русской периодике.....	68
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3.....	75
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	77
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	79

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена изучению литературной репутации Н.В. Гоголя с момента смерти писателя до 100-летия со дня рождения писателя. С одной стороны, изучение литературной репутации Гоголя может помочь в понимании эволюции восприятия его произведений и истории признания писателя классиком, в осмыслении его места в национальном литературном каноне, а значит, и в понимании истории формирования пантеона русских классиков. С другой стороны, необходимость изучения литературных репутаций в рамках русской литературы обусловлена тем, что писатель и поэт в России имеют статус выразителей национального самосознания, их образы не менее важны для читателей, чем их произведения.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, возросшим интересом современной филологии к проблемам формирования и трансформации литературного канона, а также литературной репутации писателей. В отечественном литературоведении впервые к проблеме литературной репутации обратился И.Н. Розанов в работе «Литературные репутации» (1928) [Розанов, 1990]. В рамках современной научной парадигмы феномен литературной биографии был осмыслен Ю.М. Лотманом в его программной статье «Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)» [Лотман, 1992]. Новая волна интереса к данной проблеме была вызвана работами российских социологов литературы: [Дубин, 2010; 2011], Л. Гудков [Гудков, 1994], А. Рейтблат [Рейтблат, 2001; 2009; 2014].

Во-вторых, исследование актуально в силу социологического «разворота» в современном гоголеведении. Так, американский славист Джеффри Брукс описал путь встраивания Гоголя в русский литературный канон в 1902 году [Brooks, 1981]. Алексей Вдовин проанализировал школьный канон XIX века, указав, в том числе, момент вхождения Гоголя в школьные хрестоматии [Вдовин, 2013]. Д.Р. Невская описала

трансформацию юбилеев Н.В. Гоголя [Невская, 2013]. В своей работе она дает подробный анализ посмертной биографии Гоголя через призму трех фазисов юбилейных торжеств: пятидесятилетие со дня выхода в свет известного произведения писателя, пятидесятилетие со дня смерти писателя и столетие со дня его рождения. Автор опирается на классификацию, предложенную Иваном Щегловым, очевидцем первых громких юбилеев Н.В. Гоголя и А.С. Пушкина, который выделил три фазиса юбилейных торжеств: «эстетический», «педагогический» и «демократический» [Щеглов, 1909]. Л.Ф. Луцевич в своей статье исследует авторцепцию литературной репутации Н.В. Гоголя, демонстрируя чувствительность писателя к своей прижизненной литературной репутации, а также исследует попытку повлиять на свою репутацию с помощью «авторской исповеди» [Луцевич, 2013].

В последние десятилетия проводилось множество исследований, в которых находило развитие понятие литературной репутации, а также подвергались тщательному анализу репутации отдельных авторов: «Иосиф Бродский: формирование литературной репутации» Л.Ф. Машковцевой [Машковцева, 2012], «Н.Е. Струйский и проблема литературной репутации» В.Н. Попова [Попов, 2011], «Литературная репутация М.Н. Лонгинова: 1850-е – 1870-е годы» М.В. Трунина [Трунин, 2010], «Литературная репутация А.С. Пушкина в 1830-е годы» Н.Н. Краюшкиной [Краюшкина, 2009], «Литературная репутация Ф.В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820–1840-х годов» М.Б. Селезнева [Селезнев, 2008] и др. Однако системных исследований литературной репутации Н.В. Гоголя до настоящего времени не проводилось.

Объектом данного исследования являются механизмы формирования литературной репутации писателя и закономерности выстраивания национального классического канона в русской литературе. **Предмет исследования** – литературная репутация Н.В. Гоголя и особенности его включения в пантеон русских классиков.

Исторически изменчивый процесс литературной репутации необходимо рассматривать через призму социальных и культурных институтов, которые во многом определяют численность читательской аудитории и пути интерпретации биографии и художественного наследия писателя – литературную критику, журналистику, книгоиздание, образовательную систему. В связи с этим **материалом исследования** послужили некрологи, рецепция смерти писателя в мемуарах и письмах критические статьи, описания и сценарии юбилейных торжеств, и т. п. В связи с тем, что в рамках магистерской диссертации невозможно рассмотреть все многочисленные факты и нюансы литературной репутации Н.В. Гоголя, мы сосредоточились на материалах 1852 – 1909 годов. Нижняя граница периода определяется смертью Гоголя в 1852 году и началом формирования целостной литературной репутации, что возможно только в случае ухода писателя из жизни, своего рода «завершения» биографии. Верхняя граница периода обусловлена датами ключевых юбилейных торжеств в честь Гоголя – 50-летней годовщины смерти и 100-летия со дня рождения писателя в 1902 и 1909 годах, когда определяется статус писателя в национальном литературном каноне и основные «сюжеты» его биографии.

Цель исследования – реконструировать процесс становления и динамику литературной репутации Гоголя в 1852 – 1909 годы. Достижение указанной цели предусматривает решение следующих **задач**.

1. Систематизировать теоретические исследования, посвященные закономерностям становления литературных репутаций и формирования литературного канона.
2. Собрать и проанализировать гоголевские некрологи.
3. Описать закономерности формирования посмертного мифа о Гоголе.
4. Осуществить выборку публикаций о праздновании юбилеев Гоголя в столичной и региональной прессе 1902 и 1909 годов.

5. Проанализировать обстоятельства и характер празднования 50-летней годовщины со дня смерти и 100-летия со дня рождения писателя.

6. Рассмотреть динамику сюжетов о Гоголе в русской культуре середины XIX – начала XX веков.

7. Исследовать и описать закономерности вхождения Гоголя в русский пантеон писателей-классиков.

Среди **методов исследования** мы опираемся, в первую очередь, на работы в области социологии литературы, в частности, на П. Бурдые [Бурдые, 2005], а также на отечественных социологов литературы, таких как Б. Дубин [Дубин, 2010; 2011], Л. Гудков [Гудков, 1994], А. Рейтблат [Рейтблат, 2001; 2009; 2014], исследователя истории русского национального канона А. Вдовина [Вдовин, 2010; 2012; 2013]. С точки зрения социологии литературы, история писательской репутации – это история перемещений в литературном поле. Репутация определяется взаимодействиями между агентами: писателями, читателями, продавцами книг, организаторами премий, издателями. Борьба агентов за влияние в литературном поле ведется в том числе за право определять великие тексты и великих авторов. Литературная репутация в социологическом аспекте выступает как инструмент, с помощью которого формируется литературный канон. Для понимания условий складывания канона в рамках нациестроительного проекта мы обращались к Б. Андерсену [Андерсен, 2001], Э. Гелнеру [Гелнер, 1991] и Дж. Бруксу. Помимо этого мы привлекали исследования по рецептивной теории, прежде всего, представителей констанцкой школы: Х. Яусса [Яусс, 1994; 1995] и В. Изера [Изер, 1999; 2004], что позволило обращаться к отдельным рецепциям образа писателя в ключевые моменты – смерти писателя и его юбилеев.

Материал исследования может быть использован при разработке курса истории русской литературы XIX века, в вузовском и школьном преподавании истории русской литературы XIX века. Освещение данной

темы поможет в понимании механизмов изменения литературного канона в России.

ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ

1.1. Рецептивная теория: литературная репутация как цепочка рецепций

В отечественной гуманитарной науке проблема литературных репутаций впервые становится актуальным еще в начале XX века. Ю.М. Лотман в статье «Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)» указывает на то, что литературная биография сопряжена с литературным мифом, она возникает и развивается в конкретных культурных и исторических условиях. Право на биографию – исключительное право [Лотман, 1992]. Далеко не каждый писатель, даже оставшийся в культурной памяти, обладает биографией. Ю.М. Лотман указывает, что каждая культура выделяет свои правила, по которым одни получают биографию, то есть оказываются достаточно важны для того, чтобы их имя и личные черты были сохранены для потомков, а другие – нет. «Отличие “внебиографической” жизни от биографической заключается в том, что вторая пропускает случайность реальных событий сквозь культурные коды эпохи» [Лотман, 1992: 371]: биография, тем более писательская, представляет собой нарратив, где есть пространство для творчества и самого писателя при жизни (создание и следование житнетворческой стратегии), и читателей (сумма рецепций образа писателя в рамках современной им культурной ситуации). Для русской литературы XIX в. биография становится крайне важна, писатель больше не имеет шансов на литературный успех, тем более успех в веках, не имея биографии. К 1840-м годам сложилась ситуация, при которой «биография писателя в некоторых отношениях важнее, чем его творчество. Требование от писателя подвижничества и даже героизма сделалось как бы само собой разумеющимся» [Там же: 374]. В этот момент закрепляется

легитимный способ заслужить право писательской биографии, исполняя роль святого, проповедника, мученика. Именно по этому пути идет Н.В. Гоголь: «В “Портрете” он, положив в основу повести неразрывность жизненного облика художника и его творчества, противопоставил два образа: светского живописца, искусство которого стало ложью, и художника-монаха, изыскавшего в стремлении к личному совершенству “все возможные степени терпенья и того непостижимого самоотверженья, которому примеры можно найти разве в одних житиях святых”» [Лотман, 1992: 374].

Наше определение писательской репутации достаточно близко к понятию литературной биографии. Понятие литературной биографии предполагает совокупность таких факторов, как культурный фон, коды эпохи, житнетворческая деятельность писателя и читательская реакция. Схожим образом писательскую репутацию определяет в статье «Литературная репутация и эпоха» Н.А. Богомолов. Писательская репутация представляется как сумма рецепции читателями, выраженная в «рецензиях, критических осмыслениях, пародиях, перепевах, цитациях, включении в хрестоматии и так далее, вплоть до установки памятников» [Богомолов, 1995: 57] и позиции в литературе, которую выстраивает сам писатель.

Исследовательница рецепции Н.В. Гоголя Л.Ф. Луцевич пишет: «Факторы, обуславливающие литературную репутацию писателя, непременно соприкасаются с рецептивностью» [Луцевич, 2013: 177]. Рецептивная эстетика подвергает сомнению автономность художественного произведения, дает высокий статус факту встречи реципиента с произведением искусства, а также самому реципиенту, как носителю эстетического опыта. Читатель осознается как полноценный участник творческого акта, наравне с автором. Без читательской работы акт творения оказывается незавершенным, так как смысл произведения не предзадан, а проявляется как воздействия, которые он имеет на читателя. Читателю же отведена роль, определяющая силу автора, его положения в пантеоне [Яусс, 1995]. Соответственно, в этой парадигме история произведения или

литературной репутации проявляется как история рецепции: «Историческая жизнь литературного произведения не мыслима без активного участия его адресата. Его посредничество позволяет включить произведение в меняющийся горизонт познания его исторической длительности, в котором простое восприятие постоянно трансформируется в критическое понимание, а пассивная рецепция – в активную, признанные эстетические нормы вытесняются новыми. Историчность литературы, ее коммуникативный характер предполагает понимание произведения, публики и нового произведения как отношения диалога, процесса» [Там же: 56].

В 60-е годы XX века, в оппозиции к формализму, структурализму, «новой критике», получают развитие идеи эстетики воздействия в американском и немецком гуманитарном знании. Центром развития рецептивной эстетики в Европе стала группа теоретиков литературы из университета города Констанц (ФРГ). Наиболее значимыми представителями школы являются Ханс-Роберт Яусс [Яусс, 1994, 1995] и Вольфганг Изер [Изер, 1999].

Теоретическая школа рецептивной эстетики, или эстетики воздействия, совершила поворот к роли читателя в существовании литературного текста, фактически, сделала его центром своих изысканий. Это направление литературоведения в первую очередь обращается не к самому тексту, а к опыту его прочтения. Собственно, читатель делает существование произведения возможным, когда в процессе интерпретации конструирует смыслы, то есть создает свой текст в соавторстве с писателем.

Теоретической основой для работ констанцской школы стали ключевые идеи герменевтики, в частности, Ханса-Георга Гадамера [Гадамер, 1991], основателя философской герменевтики. Для герменевтики уже было характерно рассматривать и автора, и читателя, как субъектов, порождающих смыслы. Также значительное влияние оказал польский философ Роман Ингарден и разработанные им понятия эстетического переживания и конструирования эстетического предмета воспринимающим субъектом.

Отношения читателя и произведения в оптике рецептивной эстетики носят коммуникативный характер. Важно подчеркнуть, что в диалог вступают именно читатель и текст, а не автор текста (Ингарден также видел литературу пространством диалога, но между автором и читателем) [Иглтон, 2010]. Историчность смысла в противовес автономности произведения была отмечена еще раньше, в работах феноменологов, в первую очередь Эдмунда Гуссерля и его ученика Мартина Хайдеггера [Хайдеггер, 2003]. В сердце феноменологии представление о том, что каждое явление, каждый феномен обладает неизменной сущностью. При этом для феноменологии мир предстает не только как система универсальных абстракций – каждый феномен предстает и как неизменная суть, и как множество способов воспринимать феномен. Важнейшим понятием в теории Гуссерля является интенциональность – представление о непреходящем присутствии смысла в сознании, сознание не может быть само по себе, но только «сознанием о чем-то» [Турышева, 2012: 74]. Феноменология стремится к пониманию универсального механизма познания мира через познание феноменов, а значит, чего угодно, вычлняя как саму суть феноменов, так и универсальные механизмы воспринимающего сознания. Применительно к художественным текстам феноменологический подход направлен на восприятие текста, как проявления авторского сознания, однако, оставляя за скобками биографию писателя и другие экстратекстуальные факты. Феноменологическая критика литературного произведения предполагает отказ от собственных взглядов при чтении, не критичное, безоценочное восприятие сути текста. Собственно, языку при этом Гуссерль уделяет довольно мало внимания, так как универсальная суть феноменов в его идее существует помимо языка [Там же]. Для ученика Хайдеггера язык оказывается чрезвычайно важен. Язык представляется не только средством коммуникации, сколько средой существования человека. Бытие для него – непрерывный диалог человека с миром. Язык – «дом бытия», пространство существования культуры, а литературное произведение, соответственно – «весть бытия» [Там же]. Также

у Хайдеггера появляется понимание смысла как исторически изменчивого, так как существование человека исторично и разворачивается во времени, поэтому понимание определяется историей: опыт понимания всегда определяется конкретной средой, обстоятельствами, не может проходить само по себе. Именно герменевтика Хайдеггера обозначила начало поворота к читателю в теории литературы [Иглтон, 2010].

Ханс-Георг Гадамер, вслед за Хайдеггером критикует возможность исчерпывающей, полной интерпретации. Движение к смыслу произведения по Гадамеру бесконечно. Так же, как и Хайдеггер, он рассматривает произведение и его смыслы как динамические феномены с собственной историей. Он выделяет несколько этапов существования произведения: его создание, которое происходит в определенных исторических и культурных обстоятельствах, при влиянии биографии автора; ожидание, когда произведение отделяется от своего автора и от своего прошлого, и, наконец, реализации, которая достигается в момент интерпретации читателем. Читателей Гадамер называл исполнителями произведения: согласно этой метафоре произведение оказывается чем-то вроде музыкальной партитуры и может быть исполнено в бесчисленном количестве вариаций, которые будут зависеть от личности интерпретатора и культурных обстоятельств. Потому как произведение имеет каких-то объективных неизменных смыслов согласно Гадамеру, обстоятельства жизни автора, биография, исторический контекст создания произведения могут не приниматься в расчет. Что стоит принимать во внимание, так это психологию, биографию и социальный контекст интерпретатора, того, кто дает возможность существования произведения на третьем этапе. Гадамер развивает идею Хайдеггера о предпонимании: культурная ситуация читателя создает предварительное понимание текста. В процессе чтения предварительное понимание меняется и углубляется, но полностью оторваться от своего предварительного понимания читатель не в состоянии. Процесс интерпретации для Гадамера всегда крайне личный и во многом определен эстетическим опытом и

герменевтическими навыками субъекта. Понимание становится возможным через узнавание. Во-первых, реципиент должен опознать объект как произведение искусства, то есть должен иметь опыт взаимодействия с подобными объектами. Во-вторых, субъект узнает в произведении себя, в-третьих – что-то существенное. Оба эти пункта предполагают глубоко личное, индивидуальное обращение к произведению искусства. Логичным итогом такого представления о порождении смысла в герменевтике Гадамера становится равноправие интерпретаций. Соответственно, любая литературная критика только обнажает субъективность чтения и игровую природу интерпретации [Турьшева, 2012].

Роман Ингарден разделяет представление о том, что смыслы произведения реализуются в момент встречи текста и читателя. И для Гадамера, и для Ингардена процесс чтения динамичен, разворачивается во времени, однако Ингарден уделяет больше внимания самому механизму чтения. В силу различных причин, таких как ограниченность языковых средств, любое художественное произведение обладает смысловой неопределенностью. Работа читателя заключается в том, чтобы конкретизировать, ликвидировать недостаточность смысла. Так же, как и Гадамер, он предполагает бесконечное количество прочтений одного текста, так как каждый читатель находится в уникальной культурной и исторической ситуации, нагружен неповторимым психологическим багажом. Но если Гадамер отбрасывал обстановку создания и психологию автора произведения в момент чтения, признавая важной в этот момент только личность и окружения читателя, то Ингарден выделяет автору значимое место. Чтение представляет собой акт коммуникации между авторским сознанием, воплощенным в произведении, и читателем. И хотя художественный текст находит реализацию только через читателя и в процессе понимания, он уже несет интенцию автора, обладает сущностью. Именно поэтому одни интерпретации будут ближе к авторской интенции, к сущности произведения, чем другие, а значит, что прочтения не равноправны и

возможны способы чтения, приближающие интерпретатора к наиболее адекватной трактовке [Там же].

Идеи Гадамера и Ингардена представляют собой фундамент для немецкой рецептивной школы, определяя важное место для рядового читателя и, вместе с тем, не абсолютизируя эту роль и указывая на коммуникативную природу чтения.

Рецептивная теория Х.Р. Яусса восходит к теории диалога М.М. Бахтина: «диалектика вопроса и ответа становится герменевтическим инструментом: необходимо превышать собственный горизонт, чтобы узнать горизонт другого и опять начать диалог с текстом, который сможет ответить вновь, только, если он снова будет спрошен. Ведь не каждый поэтический текст имеет герменевтическую структуру как ответа, что показывает прежде всего случай лирики, которую Бахтин определил как медиум слова без свидетеля между собой и миром» [Яусс, 1994: 97]. Там же, в статье «К проблеме диалогического понимания» Яусс пишет, что приходит к пониманию диалога близкой к М.М. Бахтину независимо от него, и указывает, что «разносторонность чужого и собственного опыта является решающим нововведением Бахтина» [Там же: 97]. Что является и важным элементом системы существования литературы Х.Р. Яусса.

Знаковым событием для немецкой рецептивной школы стала лекция, которую прочел Х.Р. Яусс в апреле 1967 в университете города Констанц, где он изложил основные положения рецептивной эстетики [Мемедулаева, 2016]. В работах Яусса нашли продолжение идеи диалогической природы литературы и понимание читателя как центральной фигуры выстраивания методики литературоведения. Его исследовательский аппарат имел целью преодолеть разрыв между формальным и социологическим подходами к литературе, а значит примирить в эстетическое и историческое. Он устраняет это противостояние, указав, что первая интерпретация читателя, его первичное восприятие текста всегда определяется прочитанным прежде и содержит эстетическую оценку. Однако текст существует исторически, и

рецепция первых читателей в их культурной ситуации будет обогащаться новыми и новыми рецепциями последующих поколений читателей: «Литературный опыт читателя можно описать, не скатываясь в психологию, если использовать понятие читательских ожиданий: для каждого произведения читательские ожидания складываются в момент появления произведения из предыдущего понимания жанра, из форм и тематики уже известных произведений, из контраста между поэтическим и повседневным языком» [Яусс, 1995: 34]. История литературы, соответственно, представляет собой последовательность коммуникаций между текстами и реципиентами, в результате которой текст теряет и приобретает актуальность, сохраняется в традиции или теряется. И так как опыт рецепции разворачивается во времени, между автором и читателем часто существует разрыв, так как меняются системы жанров и эстетических установок. Для этого Яусс вводит термин «временное отстояние». Преодоление этого разрыва возможно за счет «горизонта ожиданий», погружения в культурный контекст, предварительного понимания жанровых форм, тем, поэтики за счет известных художественных текстов: «Новый текст пробуждает в читателе горизонт ожиданий и правил, знакомых по более ранним текстам, которые варьируются, корректируются, изменяются или просто воспроизводятся» [Там же: 34]. Литературное произведение, даже являясь чем-то принципиально новым для читателя, оставляет сигналы для своего прочтения, определенные линии восприятия, так как никогда не является читателю в информационном вакууме. Процесс коммуникации происходит с учетом исторического контекста и читателя, и создания произведения: коммуникация представляет собой процесс преодоления непонимания, вызванного изменением эстетических установок. Чтение предполагает изменение для всех участников: для текста – насыщение смыслами, для читателя – новые представления о литературе: «Дистанция между "горизонтом ожиданий" и произведением, между знакомым эстетическим опытом и необходимым при восприятии нового "изменением горизонта"

определяет художественную природу литературного произведения с точки зрения рецепции» [Там же: 37]. Такой подход предполагает, что каждая волна рецепции несет свою ценность в истории, первое прочтение современниками не более ценно, чем позднейшие прочтения, а прочтение на других языках, в разрыве с культурой текста не менее ценно, чем прочтение на родине: и то и другое составляет историю текста.

Из-за того, что смысловое содержание текста может изменяться на протяжении истории, заново актуализироваться после периодов забвения, приобретать новые традиции прочтения, то смысловой потенциал текста будет разворачиваться во времени. Изучение истории произведения – это изучение последовательности культурно значимых рецепций. То, насколько долго произведение или автор способны сохранять потенциал к перечитыванию, определяет место в истории литературы. Именно эстетическая дистанция между читательскими ожиданиями современников и произведением нередко определяет успех и бессмертие в веках. Так эстетическая дистанция может быть определена как критерий ценности текста.

Суммируя понимание Х.Р. Яуссом литературы, составившее основу рецептивной эстетики констанцской школы, можно выделить следующие тезисы:

- 1) смысл произведения не является фиксированным, он меняется от прочтения к прочтению, представляет собой динамическую величину;
- 2) чтение представляет собой акт коммуникации между читателем и текстом на фоне исторического контекста читателя;
- 3) коммуникация осуществляется в момент столкновения «горизонта ожидания» читателя, суммы представлений, сформированных читательским и личным опытом с текстом; текст способен изменить «горизонт ожидания» читателя;
- 4) история литературы, как и литературная традиция, представляют собой последовательность влияющих друг на друга рецепций;

Рецептивная эстетика, основные идеи которой разработал Х.Р. Яусс, нашла развитие в трудах и другого представителя констанцкой школы, Вольфганга Изера. Если Х.Р. Яусс мыслил преимущественно в рамках истории, описывал «исторического» читателя, то В. Изер больше обращается к самой структуре рецепции.

В. Изер впервые теоретически разводит понятие текст от понятия произведения: написанное автором меняет свой статус в процессе декодирования читателем, переходит из статуса текста в статус произведения. До В. Изера данные понятия использовались как синонимы, означающие созданное автором, Изер разводит собственно авторский труд и созданное совместно с эстетическим восприятием читателя: «литературное произведение не может полностью совпадать ни с текстом автора, ни с читательским прочтением текста, а должно лежать на полпути между ними. Произведение – нечто большее, чем его написанный текст, потому что текст обретает жизнь только в процессе чтения, чтение зависит от индивидуальности читателя – и на эту индивидуальность могут, в свою очередь, воздействовать разные уровни текста» [Изер, 2004: 202].

Динамическая природа чтения существует за счет дистанции между «имплицитным читателем» и «эксплицитным», то есть реальным, историческим. Под «имплицитным читателем» понимается читательская роль в тексте, конструкт, реализованный как сеть обращенных к читателю способов, провоцирующих к раскрытию смыслов текста: «Действительность произведения служит залогом его динамической природы, а это в свою очередь есть предварительное условие для разных проявлений произведения. Когда читатель начинает использовать разные перспективы, предлагаемые ему текстом, чтобы соотнести между собой смыслы текста и свои "готовые мнения", он приводит произведение в движение, и в результате в самом читателе пробуждаются ответные реакции» [Там же: 204]. Векторы понимания могут складываться за счет включенных в текст авторских указаний, или наоборот, за счет пустых мест и лакун, которые читатель

сможет заполнить, опираясь на свою литературную эрудицию и опыт. Чтение предполагает знание репертуара подобных стратегий. Для понимания текста мы должны владеть литературными кодами, понимать литературную традицию – правилами, по которым производятся смыслы. Однако коды, направляющие читателя, и коды, которыми читатель обладает фактически, никогда не совпадают полностью – это делает интерпретацию бесконечно вариативной. Как и Х.Р. Яусс, за счет своего понимания процесса чтения, Изер указывает на свойство наиболее ценных текстов. Если у Яусса – это эстетическая дистанция с горизонтом ожидания, то у Изера это – способность текста преобразовать представление о знакомых читателю кодах. Произведение ставит под сомнение ожидание реципиента. Чтение также предстает актом коммуникации, в котором меняется и текст, и читатель: текст преобразуется в произведение, а читатель приобретает новые коды понимания.

Изер весьма требователен к читателю, так как от последнего требуется проявить немало гибкости и готовности проверять свои убеждения текстом каждый раз, и быть готовым и к их изменению [Иглтон, 2010].

Рецептивную теорию В. Изера можно кратко суммировать в следующих тезисах:

- 1) текст включает «имплицитного читателя», модель воздействия на читателя;
- 2) читатель творчески включается в текст благодаря «местам неопределенности», лакунам, которые заполняются исходя из читательской эрудиции;
- 3) в процессе эстетической коммуникации текст преобразуется в произведение;
- 4) читатель, входя в текст, пользуется знанием репертуара приемов и кодов для расшифровки смыслов, сильный текст может изменять способы понимания читателя.

1.2. Литературная репутация в оптике социологии литературы

В данной работе мы обращаемся к писательской репутации Н.В. Гоголя после его смерти, то есть в первую очередь к исторически изменчивым представлениям читательских кругов о писателе, формирующимся за счет высказываний авторитетных лиц – таких, как литературные критики, за счет включения в школьные хрестоматии, организации чествований писателя, установки памятников и наименования улиц. Функционированием литературной репутации в литературном поле занимается социология литературы. Термин «литературное поле» ввел в научный оборот французский ученый Пьер Бурдьё [Бурдьё, 2005]. Он не был литературоведом, однако социология культуры и социология литературы, в частности, занимали значительное место в его работах [Стаселько, 2017]. Наиболее значительное влияние на социологию литературы оказал труд «Поле литературы». Литературу П. Бурдьё рассматривал как органическую часть социального пространства. Социальное пространство представляется как система автономных социальных полей и субполей – таких, как политическое, религиозное, литературное и так далее. Социальное поле «представляет собой пространство силовых отношений между агентами и институциями, обладающими капиталом, необходимым для того, чтобы занять доминирующие позиции в различных полях (в частности, в экономическом и культурном). В поле власти идет борьба между держателями различных видов власти (или разновидностей капитала). Эти сражения (например, символическая война между людьми искусства и буржуазией в XIX веке) ведутся за изменение относительной ценности разных видов капитала или за сохранение status quo» [Бурдьё, 2005: 396].

В случае литературного поля агентами будут производители литературы, потребители – читательская аудитория, литературные критики, издатели, меценаты. Также на расстановку сил оказывают значительное влияние политические и административные органы, оказывающие

значительное влияние путем назначения пенсий, премий, установления цензуры и так далее. Бурдье выделяет следующие виды капитала: экономический капитал, культурный, социальный и символический капитал. Последний вид капитала напрямую связан с понятием литературной репутации, представляет собой престиж автора, значимость. Под экономическим капиталом понимаются материальные выгоды, распределенные в поле, под символическим – успех, степень признания, писательский статус. Различные виды капитала могут преобразовываться друг в друга. Так, например, престиж и известность автора могут обеспечить хорошие продажи книг, вхождение в круг уже известных писателей может обеспечить признание, деньги на организацию литературных премий создают литературную репутацию: «существуют экономические условия, обеспечивающие безразличие к экономике, которое позволяет занимать наиболее рискованные позиции в интеллектуальном и артистическом авангарде; существуют экономические условия, дающие возможность в течение длительного времени оставаться на этих позициях безо всякой экономической компенсации; и, наконец, существуют экономические условия, обеспечивающие доступ к символическим прибылям, которые, в свою очередь, могут быть рано или поздно обращены в прибыли экономические» [Бурдье, 2005: 398]. Различные виды капитала являются как целью агентов, так и инструментами воздействия на литературное поле, орудием захвата и распределения власти. Обладание различными видами капитала у агента или группы агентов определяет статус господства или подчинения. Положение агента или группы агентов определяется с одной стороны совокупным объемом различных видов капитала, с другой стороны тем, какой частью капитала в процентном отношении он или они занимают в поле.

Согласно идеям П. Бурдье социальное пространство соотносится с пространством реальным, отражается на нем, формирует и преобразовывает его. Так концентрация агентов, обладающих большим количеством капитала,

будет приводить к появлению в реальном пространстве концентрации различных благ и услуг, реальных книжных магазинов и издательских домов, такие пространства будут привлекать к себе новых агентов и новый капитал. Важная особенность социального поля – автономность. Однако это не означает полную независимость от внешних законов власти, стремлений к прибыли. В каждый момент времени внутри поля идет борьба между двумя принципами устройства иерархии в поле: автономном и гетерономном. Гетерономный принцип подразумевает перевес сил на стороне агентов, обладающих политической властью и богатством, например, «буржуазное искусство». Автономный принцип предполагает, к примеру, веру в «искусство ради искусства», ситуацию, в которой экономически успешный писатель будет под подозрением в художественной слабости. Бурдьё пишет, что баланс сил в этой борьбе напрямую зависит от степени автономности поля: «Чем автономнее поле, тем жестче негативные санкции (дискредитация, отлучение и так далее), применяемые к гетерономным практикам, таким как прямое подчинение политическим директивам или даже эстетическому или этическому спросу» [Бурдьё, 2005: 405]. Целью борьбы является «право на авторитетное определение круга лиц, имеющих право называть себя писателями, или высказывать суждения о том, является ли кто-либо писателем» [Там же: 405], то есть за право определения того, что такое литература и что такое писатель. Этим он указывает на проблематичность использования различных определений писателя или художника, так как любое определение является социально и исторически обусловлено расстановкой сил в культурном поле.

Бурдьё указывает, что для целостного понимания ситуаций и динамики литературного поля необходимо изучать не только деятельность производителей литературы, но и критиков, издателей, держателей литературных салонов, составителей школьных учебников, министерств культуры и образования. Репутация писателя как при жизни, так и после смерти представляет собой символический объект. «Производителем

ценности книги или картины является не автор, а поле производства, которое, в качестве универсума веры, производит ценность произведения искусства как фетиша, продуцируя веру в творческую силу автора» [Бурдые, 2005: 412] – то же можно сказать и об образе автора. История писательской репутации в таком случае – это история перемещений в литературном поле, забвения или канонизации. А в случае канонизации, когда имя писателя обладает весом, перемещения могут быть обусловлены борьбой между группами агентов за возможность присвоения имени.

Впервые попытка разработки понятия литературной репутации в отечественной гуманитарной науке была предпринята И.Н. Розановым в работе «Литературные репутации» в 1928 году, где он обосновывает необходимость изучения литературы в социальном аспекте: «Вместе с тем в настоящий момент особенное внимание привлекает вопрос о взаимоотношениях писателей и читателей, проблема критики, как посредницы между ними. И вот, рядом с историей и теорией художественной литературы, рядом с историей и теорией критики, намечаются новые области для изучения: теория и история литературных репутаций. Первая займется исследованием факторов литературного успеха, вторая – изучением фактов в исторической последовательности, выяснением их социологических причин». [Розанов, 1990: 16] Однако, социологическое направление в литературе не стало приоритетным, и вопросы литературной репутации не поднимались отечественными исследователями вплоть до конца XX века. К изучению литературы в социальном измерении, то есть как институцию со своими уникальными функциями, в российском гуманитарном знании вернулись в конце прошлого века.

К изучению литературы в социальном измерении, то есть как институцию со своими уникальными функциями, в российском гуманитарном знании вернулись в семидесятых годах прошлого столетия [Рейтблат, 2014: 12]. Б.В. Дубин и Л.Д. Гудков в статье «Литература как социальный институт» в качестве основной социальной функции литературы

выдвигают «поддержание культурной идентичности общества» [Гудков, 1994: 12], однако подчеркивают, что для отдельных социальных групп функциональное назначение литературы может быть различным. С этим же связано понимание исторического характера литературы, так как функции литературы определены состоянием общества, его культурной спецификой, тем какие группы и по каким критериям выделяются в обществе в каждый момент истории. Там же они указывают на необходимость рассматривать социологию литературы неотрывно от социологии культуры, так как письменная культура фиксирует все важные для общества темы, сохраняет и транслирует фундаментальные культурные значения. И литература приобретает все большее влияние при отделении религиозной власти от светской, когда литература становится основным источником ценностей и образцов действия через школьное образование. Они указывают, что, если определять литературу через функции, мы обнаружим ее коммуникативный характер: изначально художественная литература не выделяется из общего массива текстов философских, научных и так далее. И даже когда сохраняет за собой функцию репрезентировать всю культуру целиком.

Возникновение литературы как социального института требует определенных исторических обстоятельств [Рейтблат, 2014: 16]. Для начала необходимо, чтобы выделились отдельные институты, формирующие идеологию, такие как церковь. Требуется формирование слоя грамотных людей, понимающих специфику художественного слова, имеющих возможность платить за доступ к художественному слову. С момента возникновения как отдельного института (в Европе это происходит в XVII–XVIII веках) литература начинает приобретать все большую независимость. В России литература как институт зарождается в 1760 годы, но мощный рывок в автономизации литературы происходит в 1820 г., когда появляются толстые литературные журналы с большой аудиторией, формируется роль литературного критика, создаются публичные библиотеки. Количество грамотных людей неуклонно растет во второй половине столетия. Важно

отметить, что литературная репутация, осмысляемая через социологию литературы, определяется большинством читателей, как авторитетных (критики, издатели), так и рядовых. А «жизнь после смерти» Н.В. Гоголя приходится на время, когда количество грамотных людей, а соответственно, читателей и интерпретаторов начинает стремительно расти.

Социологический подход предполагает изучение литературы как системы ролей и их взаимодействий. А.И. Рейтблат выделяет как основные роли писателя, читателя и издателя. Писатель создает литературные тексты, реализует в них основные темы актуальной культуры. Читатель является главной частью системы, так как ради читателя литература и существует, читатель принимает и ретранслирует культурные коды, а также покупая или не покупая, читая определенные тексты или нет, влияет на всех остальных участников системы. Издатель позволяет существовать литературе как большой системе, он обеспечивает связь между писателями и читателями. Также в развитой литературной системе появляются и другие значимые роли: цензор, который от лица властей, светских или религиозных, корректирует культурную картину мира, допуская или не допуская определенные темы и формулировки; библиотекарь и книгопродавец, инстанции, доводящие книгу до читателя, однако второй больше ориентирован на отбор книг по законам рынка и знакомство читателя с новыми книгами, а первый включен в сохранение знаний, традиций; критик, который претендует на право выстраивать иерархию актуальной литературы; педагог, который обеспечивает понимание границ литературы, транслирует представление о наиболее ценных текстах и главенствующие пути интерпретации.

В конце века Б.В. Дубин, А.И. Рейтблат и другие российские социологи литературы указали на необходимость теоретической работы над понятием литературной репутации. Так, А.И. Рейтблат пишет в книге «Как Пушкин вышел в гении»: «проблематика литературной репутации не разрабатывается и теоретически, и хотя соответствующий термин нередко мелькает в мемуарах, в статьях литературоведов и литературных критиков, однако

определение его обычно никто не дает (в том числе и литературные словари и энциклопедии), и давняя книга И.Н. Розанова на эту тему так и остается почти единственной работой, где автор пытается артикулировать свое понимание литературной репутации» [Рейтблат, 2014: 51]. Там же он указывает функции литературной репутации: «Существование литературных репутаций необходимо для структурирования литературной системы, поддержания внутрилитературной иерархии, обеспечивающей ее функционирование и динамику» [Там же: 52]. Мы можем видеть, что литературная репутация здесь выступает как инструмент, с помощью которого формируется литературный канон, соответственно именно изучение литературной репутации писателя позволяет понять, как изменяется его положение в литературном поле. Само понятие А.И. Рейтблат определяет как то, что в «свернутом виде содержит характеристику и оценку творчества и литературно общественного поведения писателя» [Там же: 51]. В качестве источников литературной репутации он рассматривает, с одной стороны, «печатные, письменные и устные тексты автора (как художественные, так и нехудожественные, особенно автокомментарии к собственному творчеству)», с другой – «печатные письменные и устные высказывания других лиц об авторе» [Там же: 52]. Очевидно, что автор видит серьезный вклад самого писателя в собственную литературную репутацию.

«Классиками не рождаются – ими становятся, а отсюда следует, что ими не обязательно остаются», – пишет А. Компаньон в главе «Демона теории», посвященной ценности в литературе [Компаньон, 2001: 287]. Классический статус писателя, степень признания, конструирование писательской биографии, литературная репутация, место в литературном каноне – определяются состоянием поля на конкретный момент. Особенности функционирования литературного поля определяются историческими и культурными условиями. После смерти писатель покидает поле как субъект и, в случае, если он высоко оценен какой-либо группой, наделенной властью, то он становится предметом спора, попыток присвоения

той, или иной группой. Соответственно, посмертная репутация писателя определяется степенью влияния и количеством агентов и институций, желающих его присвоить, оценить, издать, интерпретировать.

В социальной плоскости проблема литературной репутации напрямую соотносится с проблемой канона и его формирования. Для рядового читателя список каноничных авторов, по сути, и представляет собой корпус национальной или мировой литературы [Вдовин, 2013: 8], а значит попадание в канон, позиция в каноне представляют положение автора в литературе в исторической перспективе. Термином «литературный канон» возник по аналогии с канонем богословским, то есть со списком книг, которые в текущий момент данной религиозной традицией считаются сакральными. На настоящий момент существуют два противоположных взгляда на формирование канона. Первый предполагает, что канон формируется под влиянием социальных и политических импульсов, второй, что текст или автор входят в канон благодаря внутренним свойствам, гениальности. Первый начал осмысляться в университетах США в 1960-е годы под влиянием актуальной философской мысли: феминистская критика, марксистская критика, *cultural studies*, *queer theory* стали выступать с критикой гегемонии европейской культуры, белых мертвых мужчин на литературной арене [Ямпольский, 1998]. Франкфуртская школа, а затем М. Фуко и его последователи дали осмысление также и массовой культуре. На переосмысление канона оказала влияние и смена гендерного и этнического состава учащихся и преподавателей. В тоже время противоположную позицию обосновывает Харольд Блум [Блум, 1998], автор «Страха влияния», где он изложил оригинальную концепцию истории литературного процесса – сильный автор рождается в символическом отцеубийстве, в диалоге и трансформации текстов предыдущего сильного автора. В Западном каноне он игнорирует феминистскую и марксистскую критику, называя ее «школой неприязни», во многом отвечая на изменения университетского канона в США. По его мнению, место в каноне определяется эстетической ценностью

текста. Несмотря на то, что посыл можно прочесть как консервативный, его методология далека от нападков на переосмысления канона консерваторами. Он описывает структуру канона как неподвижный центр и подвижную, изменчивую периферию. В центр англоязычного канона помещен Шекспир [Блум, 1998: 195]. Основанием для канонизации становится во многом личный опыт чтения, осознания эстетической значимости. Канон создан интерпретаторами, а не авторами. Данный подход напрямую соотносится с рецептивной эстетикой.

На противоположном полюсе оказываются социологи литературы. П. Бурдье писал, что авторы, издатели, держатели премий, читатели, ведут борьбу в том числе за право определять великие тексты и великих авторов. В XX веке появилось много способов определения канона: премии, издательские трюки (серии классических текстов в дешевом издании и названиями вроде «Золотая классика»), списки школьной литературы, проверка частотности цитирования. Ни один из этих способов не срабатывает в обязательном порядке. Закрепление в каноне выходит за рамки литературного поля: марки с писателем, памятники, улицы, упоминания в массовой культуре.

Б.В. Дубин предлагает выделять три типа канона, основанных на механизмах их формирования: «Можно говорить об устойчиво воспроизводимом, институциональном каноне (школа); актуальном каноне (литературная критика) и модном каноне (издательские стратегии в расчете на новую образованную, околоуниверситетскую публику)» [Дубин, 2010: 69–70]. Отдельные имена актуального канона имеют возможность встроиться в школьный канон, в обратном случае эти имена забываются и им на смену приходят новые модные авторы. Для русской литературы XIX столетия влияние критики на формирование канона было очень весомым. Так канонизация Н.В. Гоголя приписывается фактически усилиям В. Белинского [Луцевич, 2013], также и И.Н. Розанов приписывал критикам право на формирование канона.

Б.В. Дубин, осмысляя проблему классики, пишет, что «проблема литературного канона – это прежде всего проблема канона национального, канона национальной литературы. Она обозначается, обсуждается, становится предметом конкуренции и борьбы в определенной социально-исторической ситуации, когда инициативные культурные группы, кандидаты в элиту мобилизуются для строительства национального государства, репрезентации национального целого, для развития, упорядочения, кодификации национальной культуры» [Дубин, 2010: 66]. Соответственно, история признания писателя классиком (или лишения классического статуса), история положения писателя в литературном каноне определяется в том числе способностью писателя и его произведений быть маркером принадлежности к национальной культуре. Прагматика присвоения государством писателя (введение его в школьный канон, закрепление имени классика в названиях улиц и учреждений) в возможности коллективной идентификации через чтение одних и тех же текстов, когда произведение становится способом инициации. Б. Андерсон, теоретик национализма, в работе «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма» определяет нацию как «воображенное политическое сообщество» [Андерсен, 2001: 30]. «Воображенной» нация является из-за того, что знакомство всех членов сообщества невозможно, «в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» [Там же: 31]. Общий язык и литература, культурные герои могут становиться частью нациестроительного проекта, мощным инструментом создания идентичности. Б.В. Дубин указывает высокую политическую актуальность литературного канона в России: « Особую, повышенную и ценностно нагруженную роль фигуры национальных классиков и проблема культурных заимствований приобретают в т. н. запоздавших нациях, где строительство национального государства, формирование национальных элит осложнено социально-культурными обстоятельствами и традициями, сдвинуто во

времени (Германия, Россия, Италия, Испания, еще позже – Латинская Америка)» [Дубин, 2010: 326].

Появление нации, так же как и появление института литературы требует определенных условий. Б. Андерсен указывает на связь рождения национализма с появлением общего, национального языка и способами его трансляции: прессой и школой. Эрнест Гелнер, один из классиков национализма, также указывает, что национальный проект может реализоваться только при условии появления общего образования, то есть когда государство может транслировать в стандартизированном виде язык и культуру (литературу). Рост городского населения и расширение доступа к образованию ведут к тому, что для все большего количества людей образование становится наиболее ценным капиталом и в значительной мере определяет личность. Что ведет к тому, что человек становится предан не стране или государю, но культуре. Наступление индустриального общества, как он пишет, делает культуру уже не просто украшением и узакониванием социального порядка, но необходимой общей средой. В такой ситуации чтение одних и тех же текстов, почитание одних и тех же авторов, признание авторов своими, национальными гениями и становятся средой создания «воображаемого сообщества», сам акт чтения – инициацией. Помимо этого, присвоение писателя может являться способом легитимизации в моменты исторических сломов: через присвоение писателя может осуществляться связь политического настоящего с историческим прошлым. Такая связь может быть не только актуализирована, но и искусственно сконструирована: такое явление, как «изобретение традиции», было осмысленно британским историком Эриком Хобсбаумом [Хобсбаум, 2000]. Традиции такого рода представляют собой ритуалы, отсылающие к прошлому, но конструируемые, чтобы легитимизировать настоящее. Изобретение традиций активнейшим образом сопровождает появление индустриального общества. Так, в кратчайшие сроки писатели актуального канона, современники становились классиками и составляли национальный литературный канон.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Литературная репутация формируется под влиянием множества факторов: жизнетворческой деятельностью писателя, эстетическими установками эпохи, реакцией читателей, критиков и так далее. С точки зрения рецептивной эстетики писательская репутация представляется как сумма рецепции читателями, а история развития и изменений репутации – последовательность культурно значимых рецепций.

Теоретическая школа рецептивной эстетики, или эстетики воздействия, совершила поворот к роли читателя в существовании литературного текста, фактически сделала его центром своих изысканий. Это направление литературоведения в первую очередь обращается не к самому тексту, а к опыту его прочтения. Рецептивная эстетика подвергает сомнению автономность художественного произведения, дает высокий статус факту встречи реципиента с произведением искусства, а также самому реципиенту, как носителю эстетического опыта. Читатель осознается как полноценный участник творческого акта, наравне с автором, без читательской работы акт творения оказывается незавершенным, так как смысл произведения не предзадан, а проявляется как воздействия, которые он имеет на читателя. Читателю же отведена роль, определяющая силу автора, его положения в пантеоне.

Функционированием литературной репутации в литературном поле занимается социология литературы. История писательской репутации – это история перемещений в литературном поле. Репутация определяется взаимодействиями между агентами: писателями, читателями, продавцами книг, организаторами премий, издателями. Борьба агентов за влияние в литературном поле ведется в том числе за право определять великие тексты и великих авторов. Литературная репутация в социологическом аспекте выступает как инструмент, с помощью которого формируется литературный канон.

ГЛАВА 2. НЕКРОЛОГИ Н.В. ГОГОЛЯ КАК ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ ПИСАТЕЛЯ

2.1. Функции некролога в становлении посмертной репутации автора

Смерть является важной вехой в биографии, значимой частью нарратива о человеке. Во-первых, смерть завершает биографию, делает повествование целостным, а значит, придает целостность и образу покойного, ведь живой человек может радикально изменить взгляды, совершать неожиданные поступки, все то, что могло бы значительно перестроить биографию: после смерти мы впервые можем ее увидеть как завершенное целое.

М.Б. Плюханова, вслед за Ю.М. Лотманом, возводит становление биографии Нового времени к средневековой агиографии, где житие «оказывается выражением идеализирующей биографии вообще» [Плюханова, 1986: 125]. Причисление к лику святых и написание жития возможно только после смерти, так как смерть является и событием, подтверждающим святость (например, мученическая смерть за веру и посмертные чудеса) и важной частью агиографического канона. Тип жития-мартирия напрямую связан с «последованием Христу в страстях и крестной смерти», в чем Ю.М. Лотман видит зачатки проявления индивидуальности, а значит, и истоки современной биографии [Там же: 124]. Житийные традиции значительно повлияли на отечественные писательские биографии, и учитывать их чрезвычайно важно, особенно в случае с Гоголем, биография которого ассоциативно связана с мученическим житием.

Смерть сама по себе может дать право на биографию, завершить образ поэта или писателя. Так Ю.М. Лотман пишет, что «ранняя смерть» – важный троп в писательских биографиях первой половины XIX столетия, наравне с «угасшим взором», «утаенной любовью» и «загадочным прошлым» [Лотман, 1992: 372]. Например, смерть К.Ф. Рылеева значительно изменила его статус

как поэта: если до казни он располагался на периферии литературного поля, то после казни он занимает позицию наравне с А.С. Пушкиным для следующего поколения [Лотман, 1992: 371]. Так и смерть Сергея Есенина стала фактором роста внимания к его творчеству и важнейшим местом в его литературной биографии [Скороходов, 2009], чему способствовали обстоятельства гибели: молодой возраст, самоубийство, загадочные обстоятельства смерти.

В своей последней прижизненной публикации «Смерть как проблема сюжета» Ю.М. Лотман отметил: «то, что не имеет конца – не имеет и смысла» [Лотман, 1994: 417]. Как конец произведения является сильным смысловым местом, так и смерть оказывается сильным местом в биографии. Литературная биография Н.В. Гоголя в этом случае может служить очень ярким примером. Его ранняя, загадочная и трагичная смерть стала важнейшей частью личного мифа. Так например, Абрам Терц (А.Д. Синявский) начинает литературоведческое эссе «В тени Гоголя» с легенды о «похоронном заживо» писателе, а размышления о мертвом Гоголе и о значении смерти для писателя становятся отправной точкой к анализу его творческого наследия [Терц, 2009].

Для модернистского мифа о Гоголе смерть писателя также занимает ключевое место. В пьесе С. Антимонova «Гоголь» середины 1920-х годов значительное внимание уделяется интерпретации смерти писателя: «в финале пьесы обессиленный Гоголь оказывается сначала во власти отца Матфея, который провоцирует своими проклятиями сожжение «Мертвых душ», а затем во власти докторов, которые истязают умирающее тело. Это облегченный, приспособленный ко вкусам массовой публики вариант жизнетворческого модернистского мифа о Гоголе» [Гульсков, 2009: 728].

Смерть Н.В. Гоголя 21 февраля 1852 года, после непродолжительной болезни, оказалась совершенно неожиданной и для его знакомых, и для литературной общественности, что способствовало отношению к его кончине как яркому и внезапному событию. В последние годы жизни Гоголя

литературная общественность охладела к нему: многие из его сторонников, в том числе В.Г. Белинский, не смогли принять последнее из прижизненно напечатанных произведений – «Выбранные места из переписки с друзьями» в 1847 г. из-за консервативно-религиозного пафоса. Публика долго и терпеливо ждала окончания работы над вторым томом «Мертвых душ», сведениями о работе над которым он делился с очень немногими. Соответственно после некоторого затишья вокруг писателя новость о его смерти вызвала лавину отзывов, стала сенсационной, именно потому, что была по-настоящему неожиданной. Вот, к примеру, как описывает свою реакцию В.А. Жуковский в письме к П.А. Плетневу: «Любезнейший Петр Александрович, какую вестью вы меня оглушили, и как она для меня неожиданна! Весьма недавно я получил еще письмо от Гоголя, и собирался ему отвечать...» [Жуковский, 2009: 64–65]. И.С. Тургенев в своих воспоминаниях приводит эпизод, в котором узнает о смерти Гоголя от И.И. Панаева в Дворянском собрании: «Панаев, наконец, подбежал и ко мне — и с легкой улыбочкой, равнодушным тоном промолвил: «А ты знаешь, Гоголь помер в Москве. Как же, как же... Все бумаги сжег — да помер», — помчался далее. Нет никакого сомнения, что как литератор Панаев внутренне скорбел о подобной утрате — притом сердце он имел доброе, — но удовольствие быть первым человеком, сообщающим другому огорашивающую новость (равнодушный тон употреблялся для большего форсу), — это удовольствие, эта радость заглушали в нем всякое другое чувство» [Тургенев, 1983: 64].

Рецепция смерти значимого для общества человека реализуется через жанр некролога. Некролог — жанр напрямую связанный с биографией и правом на биографию. Как далеко не каждый человек (и не каждый писатель) получает право на жизнеописание, так и не каждый получает право на некролог. Некролог, как жанр биографический, обладает спецификой, заданной его основными функциями: сообщать обществу о смерти конкретного человека (а значит, что во времени он оказывается привязан к

этому событию) и подводить итог жизни, фиксировать известность и значимость умершего [Рейтблат, 2014].

Жанр некролога в Российской Империи появляется в периодике в начале XIX столетия (первый некролог был напечатан в «Вестнике Европы» в 1803 г.) и к середине века достиг расцвета: некрологи печатались в крупных газетах несколько раз в неделю, а многие издания имели специальную некрологическую рубрику [Рейтблат, 2014: 346]. А.И. Рейтблат указывает, что одна из центральных особенностей жанра некролога показывать «не личность человека, не его частную жизнь, а почти исключительно социальную его полезность» [Там же: 346]. Это приводит к тому, что жанр становится востребованным в периоды, когда общество солидарно в том, что считать социально значимым, а значит, легко может выделить тех, чьи заслуги должны быть зафиксированы в момент смерти в некрологе. Некролог в аспекте социологии – это способ фиксировать и транслировать ценности: те, кто удостоиваются чести остаться в памяти народа (для некрологов характерно использовать обороты, означающие, что покойный будет жить вечно в памяти своего народа) представляют собой образцы, с которыми можно себя идентифицировать. Именно поэтому некрологи представляют собой опыт коллективного восприятия умершего (в XIX веке некрологи обычно публиковались без подписи), потому что общество проводит отбор того, что должно остаться в коллективной памяти. В связи с этим некрологи актуализируются, когда в обществе выстраивается прозрачная для всех иерархия социальных ценностей. Начиная с 1820 растет ценность писателя и поэта, служителя искусства. Ю.М. Лотман пишет, что в послепетровской России писатель берет на себя функции проповедника и святого, право говорить от лица «высшей правды», определять культурные и нравственные границы [Лотман, 1992: 371]. А.И. Рейтблат, анализируя некрологи, которые были опубликованы в журнале «Нива» за 1900 год, приходит к выводу, что на тот момент наиболее высоко ценятся «наука, литература и искусство, а также любовь к другим людям, толерантность и миролюбие» [Рейтблат,

2014: 348]. Личные черты, которые возникают в некрологах, появляются только для того, чтобы показать общественную ценность их обладателя: готовность жертвовать собой ради долга, правдивость, скромность.

Одна из важных особенностей некролога в том, что туда не должна попадать критика деятельности, осуждение покойного. Герой некролога – всегда положительный герой. Способом осуждения человека в таком случае становится молчание. Если некролог заслужен – в нем могут найти отражение только заслуги и положительные черты. Некролог представляет собой точку взаимодействия живых и мертвых, а такого рода коммуникации всегда окружены правилами и ритуалами. Сакральность смерти не позволяет говорить о покойном плохо: «граница между пространствами оставшихся и ушедших не абсолютна, – ее пересекает, в первую очередь, именно ритуальное слово. Поэтому в ситуации произнесения прощальных речей нужно быть особенно осторожным: неправильное слово может навредить как покойному, так и живым. Теоретически можно и промолчать, но молчание разрывает связь, упраздняет коммуникацию не только с ушедшими людьми, но и с самим прошлым. Таким образом, существует предписанность высказывания: традиция не только накладывает ограничения, но и задает правила (структурирует поле возможного поведения)» [Еремеева, 2012]. Ритуальность некролога ведет зачастую к проблеме серийности, типичности некролога. В культуре со сложившейся традицией использования данного жанра некролог нередко редуцирует сам себя в описаниях положительных черт покойного, даже если пишется искренне скорбящим автором: «Некролог позволяет совместить в себе необычайную искренность, доверительность с серийностью. То есть этот некролог может быть произнесен на похоронах очень многих. С простой заменой фамилии. Здесь искренность – это свойство имитации. Благодаря имитации искренности и создаётся имитация этого заявленного дискурса, – создаётся серийность некролога как жанра. Некролог теряет своей уникальности и становится машиной» [Стариков, 2000].

Во временном отношении некролог обращается одновременно к прошлому и к будущему. Через обращение к прошлому выстраивается идентичность (в том числе национальная), создается ощущение непрерывности культуры, обращение к будущему обещает покойному вечную память: «Воспоминание об умерших делится на ретроспективное и проспективное воспоминание. Ретроспективная память об умерших есть более универсальная, изначальная и естественная форма. Это форма, в какой группа живет со своими мертвыми, поддерживает их присутствие в уходящем вперед настоящем и тем самым создает образ своего единства и целостности, который, как нечто совершенно естественное, включает и мертвых. Чем дальше мы отходим вглубь истории, тем больше доминирует эта опора группы на умерших и предков. В проспективном измерении речь идет об аспекте достижения и fama, путях и формах стяжания незабвенности и славы» [Еремеева, 2012].

Вероятно, именно общественная значимость Н.В. Гоголя привела к тому, что даже в личных письмах и воспоминаниях практически не говорится его о смерти исключительно как о личной потере, или даже как скорее личной, чем литературной. Вот что пишет в письме к сыновьям С.Т. Аксаков, человек, высоко ценивший творчество Гоголя, и его друг: «Я не знаю, любил ли кто-нибудь Гоголя исключительно как человека. Я думаю, нет; да это и невозможно. У Гоголя было два состояния: творчество и отдохновение. Первое давно уже, вероятно вскоре после выхода “Мертвых душ”, перешло в мученичество, может быть, сначала благотворное, но потом перешедшее в бесполезную пытку. Как можно полюбить человека, тело и дух которого отдыхают после пытки?» [Аксаков, 1890: 199]. Так же это воспоминание закрепляет возникший уже при жизни Гоголя образ мученика, а смерть писателя становится органичным завершением подвижнической жизни.

Вот как выражает свои чувства по поводу смерти Жуковский в письме к П.А. Плетневу, редактору «Современника». Отметим, что новость о смерти Гоголя распространилась чрезвычайно быстро, письмо написано 5 марта в

Бадене, значит, чуть больше недели прошло, когда о смерти писателя узнали и в Европе. «Я жалею о нем несказанно собственно для себя: я потерял в нем одного из самых симпатичных участников моей литературной жизни и чувствую свое сиротство в этом отношении <...> для нашей литературы он потеря незаменимая», – пишет Жуковский [Жуковский, 2009: 64–65]. Вероятно, именно как реакция на нехватку искренности и интимного тона в откликах на смерть Гоголя появляется такая запись М.П. Погодина, сделанная гораздо позже, уже в связи с кончиной писателя М.Н. Загоскина, в которой личное переживание противопоставлено холодным общественным славословиям: «А об Гоголе друзья его пишут слишком много; не потому, чтоб Гоголь не заслуживал и больше; но потому, что это одни холодные восклицания и самая кривая оценка! Гоголя я ценю очень дорого; но много, много и много пристрастия в его приятелях: они его ценят выше меры! Можно хвалить весьма справедливо, и не называя гением! Особенно жаль, что бранятся над его могилой <...> Не знаю почему, но об Гоголе я заплакал, а о тех слез не было» [Погодин, 1898: 33].

Резким изменениям в литературной репутации Н.В. Гоголя способствовали обстоятельства его смерти и сожжение второго тома «Мертвых душ». Сожжение долгожданного продолжения, которое должно было вернуть писателя в литературную жизнь, стало одним из самых известных и обсуждаемых эпизодов его жизни: в музее Пушкинского Дома выставлено кресло, на котором Гоголь, якобы, сжег второй том «Мертвых душ». Одно из первых описаний сожжения появляется в некрологе «Санкт-Петербургских ведомостей», где действия Гоголя объясняются психическим нездоровьем (безумие Гоголя тоже станет важной частью образа писателя), нисколько не романтизируются, напротив, рассказ о сожжении бумаг, приведенный якобы со слов камердинера, выглядит в изложении «Ведомостей» почти комично: «его душевный недуг, которым он страдал еще в Германии, усиливаясь более и более, развился наконец до такой степени, что свел его в могилу <...> Три ночи перед смертью он жег

находившиеся у него бумаги», – ссылается на камердинера: «Жгли, батюшка, дня три жгли, все ночью: походят, походят здесь, пожгут: пойдут в ту комнатку, там пожгут. Один раз много что-то пожгли: я вошел к ним, они и говорят мне: сжег, а теперь самому жалко стало, многие бы за это спасибо сказали... Ну я, конечно, говорю: дал бы Бог здоровья, батюшка Николай Васильевич, может еще лучше напишете... они посмотрели на меня, да только улыбнулись» [Известие о смерти Гоголя, 1852: 143]. В этом описании последних дней писателя так же появляется важный сюжет о том, что Гоголь готовится к смерти, что представляет его раннюю гибель фактически частью жизнетворческого проекта.

П.А. Вяземский, один из первых русских литераторов, обратившихся к жанру биографии [Прохорова, 2008], в первую очередь, рассматривает достойных биографии писателей как способ связи настоящего с прошлым. В некрологе Г.Р. Державину он указывает на ценности эпохи, которые его современники должны перенять и на масштаб ушедшего поэта: «Смерть похитила в нем у муз почтенного их Нестора, у отечества – мужа знаменитого, прешедшего со славою и пользою поприще долгой жизни, у ближних и друзей – добродушного старца, украшенного семейственными добродетелями» [Вяземский, Прохорова, 2008].

Некоторые исследователи понимают некролог достаточно широко и раздвигают его границы, включая в понятие эпитафии (как реальные надгробные надписи, так и стихотворные посвящения умершим) [Картаусова, 2010]. Такой подход позволяет исследовать некролог не только как коллективную оценку современника, но и как индивидуальную рецепцию личности и творчества покойного.

По мнению Н.В. Каратусовой, задача некролога давать краткую характеристику достижений умершего по отношению к писателям, что сближает эту жанровую форму с литературным портретом. В таком случае некролог берет на себя не только задачу демонстрации социальной значимости, но и стремится «показать портрет современника, ушедшего из

жизни, проследить его творческий и жизненный путь, при этом портрет должен отражать особенности характера, а не состоять из описания внешних признаков» [Там же]. В таком случае отдельные формы некролога допускают индивидуальный, личный взгляд на покойного наравне с коллективным: «наиболее убедительное портретное сходство достигается тогда, когда писатель выступает в роли свидетеля, которому довелось не только видеть характеризуемого человека, но и общаться с ним, наблюдать в разной обстановке. В этом случае живой образ современника остается в сознании писателя на долгие годы, и впоследствии, обращаясь к своей памяти, он воспроизводит его индивидуальность, подобно живописцу, с натуры» [Там же]. То, что жанр некролога в отдельных случаях оказывается частным случаем литературного портрета, не удивительно, так как литературный портрет также представляет собой характеристику и личности, и достижений в литературе: «целостный анализ творчества писателя в связи с его личностью» [Ведищева, 2011].

Личный компонент невозможно исключить из текстов, представляющих восприятие умершего человека, особенно если речь идет о некрологе, когда перед нами личность, ушедшая считанные дни назад. Поэтому для некролога характерно то, что в него включаются элементы эмоционального проживания горя, чувство и коллективной утраты, и личной: «организуя началом в некрологе становится утрата человека – носителя национальной культуры, вследствие чего тексты пронизаны тональностью скорби и сожаления. Лейтмотивом проходит невозможность и нежелание поверить в реальность случившегося. Сообщение о кончине известного человека часто преподносится как личная трагедия, поскольку с уходом человека оказывается потерянной значимая часть общественной и культурной жизни, неразрывно с ним связанная» [Коняева, 2017].

История сожжения второго тома и последующей смерти Н.В. Гоголя получает статус популярного сюжета почти сразу: «Двое неизвестных мне художников сделали очерк лица покойного, в гробу, с лавровым венком на

голове. Эти листки ходили по Москве. Но грубая спекуляция, а может просто глупость, выпустила тогда же в свет нелепую литографию, изображающую сожжение рукописи: Гоголь сидит, в халате, перед пылающим камином, мрачный, со впалыми щеками и глазами. Подле стоит на коленях Семен. Сзади подбирается смерть, с изогнутыми атрибутами. Рукопись пожирается пламенем...» [Берг, 1952: 510].

Как пишет Ю.М. Лотман, Гоголь включается при жизни в создание образа мученика от литературы [Лотман, 1992], так что нет ничего удивительного в том, что многими смерть Гоголя рассматривается как религиозный жест, позволяющий считать его святым мучеником. Причем мучеником, разумеется, не только и не столько за христианскую веру, сколько за литературу и право нести через нее высшую правду. Вот что пишет С.Т. Аксаков, указывая среди причин смерти Гоголя непреодолимый конфликт: «Я признаю Гоголя святым, не определяя значения этого слова <...> Это истинный мученик высокой мысли, мученик нашего времени, и в тоже время мученик христианства <...> Нельзя исповедовать две религии безнаказанно» [Аксаков, 1890: 200]. Там же С.Т. Аксаков упоминает, что еще в 1844 году предсказывал писателю один из двух исходов: или как святому отшельнику, или в сумасшедшем доме. А также указывает, что смерть Гоголя делает его первым – «смертью запечатлел искренность своих нравственных и религиозных убеждений» [Там же].

К самым ярким формам мифологизации имени Гоголя прибегает анонимный автор «Нескольких слов о Гоголе». Он напрямую называет писателя мучеником, а его смерть – поэмой: «Много еще пройдет времени, пока уразумеется вполне все глубокое и строгое значение Гоголя, этого монаха-художника, христианина-сатирика, аскета и юмориста, этого мученика возвышенной мысли и неразрешимой задачи!... Вся жизнь, весь художественный подвиг, все искренние страдания Гоголя, наконец сожжение самим художником своего труда, над которым он так долго, так мучительно работал, эта страшная торжественная ночь сожжения и вслед за этим смерть,

все это вместе носит характер такого события, представляет такую великую, грозную поэму, смысл которой долго останется неразгаданным» [Несколько слов о Гоголе, 1852: 7]. Автор вплотную подходит к теме жертвоприношения, христологическому образу, который создается вокруг Н.В. Гоголя. В XX в. эта связь актуализируется у гоголецентриченного Булгакова: сжигающий рукописи полусумасшедший Мастер в структуре романа занимает позицию Христа Новейшего времени.

В стихотворении князя П.А. Вяземского на смерть Гоголя христологический сюжет приобретает эксплицированную форму, писатель становится сеятелем из евангельской притчи:

Не погибнет – верной мздою
Плод воздаст в урочный час,
Добрый сеятель, тобою
Семя брошенное в нас [Вяземский, 1982: 282].

Отчасти этот же сюжет появляется и у М.П. Погодина в письме, обращенном к О. Смирновой, в котором он описывает панихиду на 40 дней со дня смерти писателя, где примирение врагов над могилой Гоголя, выглядит почти как посмертное чудо, исполнение заповеди возлюбить врага, под воздействием «священного голоса с того света»: «прочтено было письмо Гоголя, последнее из всего того, что он напечатал, о празднике Светлого Христова воскресения в России. Можете себе вообразить, какую силу получило каждое его слово <...> священный голос с того света <...> Люди враждовавшие, нерасположенные или недовольные между собою, подают не друг другу, а недруг недругу руку, забывают взаимные обиды. Доказательство <...> что в основании его сочинений и действий была любовь, которая теперь магнетически разливается и сообщается» [Погодин, 1852: 143]. Помимо этого он делает запись в дневнике от 29 марта 1852 года: «Есть действительно в смерти Гоголя что-то примиряющее и любовное» [Погодин, 1897: 544].

2.2. Некрологи Гоголя в контексте литературных дискуссий середины XIX века

В 40-е годы XIX столетия в России Н.В. Гоголь и его творчество стали одним из камней преткновения в литературных и общественных спорах между западниками, в первую очередь, В. Белинским, и славянофилами, прежде всего, К. Аксаковым. И хотя В. Белинский ушел из жизни раньше Гоголя, однако идеологически окрашенный спор о Гоголе не прекратился. Значимой частью вопроса было положение Н.В. Гоголя в литературном поле: «Отдавая дань Гоголю (“великий художник”), Белинский не соглашается с классификацией Аксакова (Гомер, Шекспир и Гоголь) и ставит на место Гоголя Пушкина» [Соломонова, 2013]. Однако при этом стоит помнить, что именно огромное влияние В. Белинского как критика обеспечило Гоголю известность и помогло приобрести статус классика в будущем.

Издания также делились на прозападнические и прославянофильские. Положение толстых литературных журналов в начале 1850-х годов связано с крайне жесткой цензурой, которая во многом обездвижила культурную жизнь Российской Империи. Вероятно, главным журналом на тот момент являлся «Современник». Главным «оппонентом» журнала был «Москвитянин» под редакцией М.П. Погодина, в этом издании концентрировались авторы-славянофилы: С.П. Шевырев, Н.В. Берг, А.А. Григорьев [Балакин, 2015].

Противостояние западников и славянофилов, в том числе относительно «натуральной школы», зарождается куда раньше, чем термины, именующие стороны в дискуссии. Впервые слово «западник» в привычном значении употребил как раз Н.В. Гоголь в главе «Споры» «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Споры о наших европейских и славянских началах <...> показывают только то, что мы начинаем просыпаться, но еще не вполне проснулись <...> Все эти славянисты и европейцы, – или же староверы и нововеры, или же восточники и западники, а что они в самом деле, не умею

сказать, потому что покамест они мне кажутся только карикатуры на то, чем хотят быть, – все они говорят о двух разных сторонах одного и того же предмета» [Гоголь, Чапаева, 2010].

На социальные воззрения Н.В. Гоголя огромное воздействие оказали славянофилы: С.Т. Аксаков, Н.С. Хомяков, И.В. Киреевский, С.П. Шевырёв, более того, все близкие друзья писателя придерживались славянофильских взглядов [Виноградов, 2017]. Но также его взгляды и творчество находились под влиянием А.С. Пушкина, Н.Г. Чернышевского, В.Г. Белинского, И.С. Тургенева и других значимых для культуры деятелей, которые относились скорее к западникам [Воронцов, 2009].

При жизни у Н.В. Гоголя были достаточно теплые отношения с действующей властью: «Все свои книги, начиная с “Вечеров на хуторе близ Диканьки”, Гоголь преподносил членам царствующего дома и самому Императору. До конца жизни он оставался убежденным монархистом. В его статье “О преподавании всеобщей истории”, опубликованной в “Арабесках” (1835) и датированной им самим 1832 годом, Николай I назван “Великим Государем”» [Воропаев, 2016]. Император оказывал покровительство писателю, благосклонно относился к его творчеству, назначал денежные пособия и помогал финансово. Н.В. Гоголь стремился служить отечеству, надеялся однажды на личную встречу с государем [Там же]. Так же писатель был глубоко признателен государю за отношение к «Ревизору», произведение которому из-за проблемного содержания могла грозить цензура и забвение, а драматургу ссылка или другое наказание: «Государь принял пьесу именно как написанную для пользы государства в целом, для пользы своей семьи и для собственной пользы. На премьере государь присутствовал вместе с наследником» [Виноградов, 2016]. Однако Николай I по отношению к Н.В. Гоголю проявлял не только отческую поддержку, но и выступал как цензор: ему категорически не понравилась «Женитьба», а так же «пенял ему за некоторые несовместимые, на его взгляд, с семейными ценностями шутки и пассажи» [Там же]. А когда «вследствие публикаций

либеральных критиков, В.Г. Белинского и А.И. Герцена, Гоголя стала преследовать слава ниспровергателя основ власти» [Виноградов, 2016], лично император не изменил отношения к творческому наследию писателя, и даже собирался дать разрешение на публикацию собрания сочинений Н.В. Гоголя, но не успел завершить этот проект – умер в 1955 году.

Тем не менее, покровительство Николая I не помогло Гоголю после смерти: естественное желание литературной общественности говорить о смерти писателя и его значении для литературы встретило серьезное сопротивление со стороны цензуры. Это обстоятельство отягчалось тем, что в 1852 году осторожность цензуры доходила до невероятных пределов, к журналам приставлялись по два цензора, увеличивался личный состав цензурных комитетов [Щебальский, 1862: 56]. К тому же Гоголь в глазах общественности оставался сатириком, высмеивающим чиновником, критикующим государственный аппарат: «Казалось бы, что впечатление, произведенное на административный мир того времени “Ревизором” и “Мертвыми душами”, должно было со временем сгладиться, особенно принимая во внимание направление мыслей Гоголя в последний период его жизни, тот явный консерватизм, какой он выразил в своей “Переписке с друзьями”. Но ни почитание его таланта высочайшими особами, не исключая самого императора Николая Павловича, ни монаршие милости, изливаемые на него в последние годы его жизни, ни придворные и великосветские связи, ничто не могло изменить со стороны реакционеров, усилившихся после 1848 года, взглядов на Гоголя, как на писателя, крайне неблагонамеренного и вредного» [Скабичевский, 1892: 287]. Проправительственная «Северная пчела», негласный орган III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 23 февраля (вряд ли они могли знать о смерти Гоголя, однако само появление его имени в печати в этот момент кажется символичным) возмущается тому, что Гоголя «не в шутку» называют русским Гомером, а его «сказку» «Мертвые души – Илиадой» [Пчелка. Журнальная всякая всячина, 1852: 171], что, разумеется, один из очень

многих саркастичных выпадов в сторону писателя со стороны реакционного издания.

Ожидая всплеска внимания к Гоголю и оценок его как великого писателя, так как подобное отношение к нему сложилось уже при жизни, цензура в лице председателя петербургского цензурного комитета М.Н. Мусина-Пушкина, наносит упредительный удар. Вот что пишет в воспоминаниях Д.А. Оболенский: «Все газеты и журналы наполнены были статьями о Гоголе. Это окончательно возмутило цензурное управление, уже прежде неодобрительно относившееся к Гоголю, считая его знаменем или главою либеральной партии. Особенно злобно относился к Гоголю бывший в то время попечителем с.-петербургского учебного округа, Мусин-Пушкин, председательствующий в главном управлении цензуры. Цензорам было объявлено приказание – строго цензуровать все, что пишется о Гоголе, и наконец объявлено было совершенное запрещение говорить о Гоголе, так что взамен имени его в печати начали употреблять выражение: “известный писатель”» [Оболенский, 1878: 948–949]. Однако, попытка вычеркнуть Гоголя из литературного поля провалилась. Остановить публикации о смерти писателя (и то не в полной мере) цензурным комитетам удалось только в Санкт-Петербурге. Вот что пишет из северной столицы П.А. Плетнев в Москву, к Я.К. Гроту, уже в начале марта, когда подавляющее число изданий способных и желающих опубликовать некрологи уже их опубликовали: «Московские газеты несравненно счастливее петербургских. Там выражения горести не подвергаются преследованию цензуры. У нас же Мусин решительно почти ничего не пропускает, где говорится с некоторым чувством об этой утрате» [Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым, 1886: 585]. Далее мы увидим, что те петербургские издания, которым посчастливилось опубликовать заметки о смерти писателя, будут в своих оценках гораздо осторожнее московских. К примеру, в «Сыне отечества», вышедшем в конце марта, в некрологе избегают вообще каких-либо эпитетов, которые могли хоть как-то характеризовать личность Н.В. Гоголя.

Однако сам некролог явно построен так, чтобы с любовью почтить память автора, перед нами ряд риторических вопросов «кто, спрашиваем, не читал этого писателя, вызывавшего столько толков», перечисляя при этом все значимые произведения – «Ревизор», «Женитьба», «Игроки», «Старосветские помещики», «Ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем», «Нос», «Тарас Бульба», «Вий», «Мертвые души» [Некрологи, 1852: 24]. Так вместо суммы личных качеств или достижений, Гоголь представлен как сумма текстов (характерно отсутствуют «Выбранные места»). Стоит отметить, что некролог Гоголю стоит первым в разделе некрологов, как будет стоять некролог Жуковскому в следующем номере журнала, и не уступает последнему по объему.

Авторов и редакторов, опубликовавших некрологи (в особенности те, чей характер был однозначно хвалебным) могли преследовать и постфактум. В «Жизни и трудах» М.П. Погодина говорится, что тот еле избежал преследования из-за своей знаменитой статьи «Кончина Гоголя», Тургеневу повезло меньше – за его «Письмо из Петербурга», опубликованное, фактически, без его разрешения, он был арестован на месяц и сослан в деревню. Отсюда мы видим, что хоть в Москве цензура и действовала мягче, но действовала. Тургенев был единственным крупным писателем среди авторов некрологов о Н.В. Гоголе. А сама ситуация оказалась очень похожа на историю написания стихотворения-«некролога» о А.С. Пушкине «На смерть поэта» Ю.М. Лермонтова, который так же был арестован и сослан на Кавказ.

Закономерно, что наиболее яркий текст о смерти писателя, упомянутая нами «Кончина Гоголя», был напечатан в «Москвитянине», московском, прославнофильском журнале, над которым трудилось немало друзей Гоголя. Некролог – жанр коллективной рецепции жизни, обстоятельств смерти и заслуг покойного. Несмотря на то, что у скорбной статьи как будто есть один автор, она подвергалась коллективной правке А.П. Толстого, С.П. Шевырева и А.С. Хомякова [Воропаев, 2005] и таким образом может представлять

взгляд на Гоголя со стороны целой группы с определенными взглядами, литераторов-славянофилов. Некролог написан с большим уважением к покойному, и затрагивает все основные сюжеты писательской биографии Гоголя. Так в самом начале задается тема мученичества и вместе с тем тайны вокруг смерти писателя: «На этот вопрос можно отвечать только то, что он страдал, страдал много, страдал телом и душою, но в чем именно заключались его страдания, как оне начались, – никто не знает, и никому не сказывал он об них ничего, даже своему духовнику» [Погодин, 1852: 49]. Там же изложена история последних дней Гоголя и особое внимание уделено сюжету сожжения второго тома: «Ночью, во вторник, он долго молился один в своей комнате. В три часа призвал своего мальчика и спросил его, тепло ли в другой половине его покоев. – Свежо, – отвечал тот. – Дай мне плащ, пойдем, мне нужно там распорядиться. И он пошел с свечей в руках, крестясь во всякой комнате, через которую он проходил. Пришед, велел открыть трубу, как можно тише, чтоб никого не разбудить, и потом подать из шкафа портфель. Когда портфель был принесен, он вынул оттуда связку тетрадей, перевязанных тесемкой, положил ее в печь и зажег свечью из своих рук. Мальчик, догадавшись, упал перед ним на колени и сказал: – Барин, что вы это, перестаньте. – Не твое дело, – отвечал он, – молись. Мальчик начал плакать и просить его. Между тем огонь погасал, после того как обгорели углы у тетрадей. Он заметил, вынул связку из печки, развязал тесемку и уложил листы так, чтоб легче было приняться огню, зажег опять... и все сгорело! Тогда он перекрестился и воротился в прежнюю свою комнату, поцеловал мальчика, лег на диван и заплакал» [Там же]. Тут же читателю предлагаются пути интерпретации действий писателя, каждый из которых в дальнейшем отразится на репутации Гоголя, станет отдельной и важной частью писательского мифа: «Было ли это действие величайшим подвигом христианского самоотвержения, самую трудную жертвою, какую может только принести наше самолюбие, или таился в нем глубоко скрытый плод тончайшего самообольщения, высшей духовной прелести, или, наконец,

здесь действовала жестокая душевная болезнь?» [Там же]. Однако сами события ночи сожжения второго тома описаны без тени иронии, а сам текст полон уважения и любви к покойному, так что это распутье толкает читателя к наиболее комплиментарной трактовке. К этому же подводит и финал статьи: «Можно утвердить только то, что это была натура особливая, которая по кончине сделалась еще таинственнее и еще мудренее для уразумения, чем была при жизни, и которую судить простою меркою, по обыкновенным нашим понятиям, нельзя и не должно» [Там же].

Интересно то, как расходятся описание похорон в «Известии о смерти Гоголя», очень сдержанного некролога, опубликованного в 52-м номере «Санкт-Петербургских Ведомостей» и в воспоминаниях современников. «На вынос тела собрались очень немногие, потому что этот вынос почти никому не был известен, но несмотря на немногочисленность, присутствующие донесли его до церкви на руках», – сообщают петербургскому читателю «Ведомости» [Известие о смерти Гоголя, 1852: 143]. Вместе с тем Ф.И. Иордан в письме А.А. Иванову пишет: «Стечение народа невероятное. Рихтер, который живет возле университета писал мне, что два дня не было проезду по Никитинской улице» [Виноградов, 2001: 534]. Очевидно, это тоже реверанс в сторону цензоров, так как формулировка «донесли на руках» свидетельствует о желании указать на народную любовь к покойному писателю. Общим местом для московских и петербургских отзывов на смерть писателя будет сожаление об утрате второго тома «Мертвых душ» и надежда, что какие-то главы уцелели у друзей Гоголя. Об этом напишет и М.П. Погодин, и «Санкт-Петербургские Ведомости».

Заметки, приуроченные к смерти писателя, почти всегда имеют задачу зафиксировать известность и значимость, указать место в литературном пространстве. В уже упомянутой анонимной статье «Московского литературного и научного сборника» «Несколько слов о Гоголе», умерший объявляется центром литературного поля и родоначальником новой литературы: «Явится ли еще подобный художник, или, быть может, со

смертью Гоголя, наступает для нас иная пора?» [Несколько слов о Гоголе, 1852: 7]. Далее следует перечисление писателей, которых сам Гоголь называет важнейшими для России в «Выбранных местах» – Пушкин, Грибоедов и Лермонтов – и анонимный автор достаточно резко заявляет – «похищен смертью человек, которого значение для России важнее всех упомянутых трех поэтов» [Там же]. Эта статья не осталась незамеченной, в «Современнике» имеется критический отзыв на нее. Никоем образом не пытаясь критиковать или принизить самого Гоголя, там сообщают, что «фактов в этой брошюре никаких нет <...> не более как претензия, нисколько не достигнутая <...> автор совершенно не знаком с прошедшим русской литературы» [Библиография. Несколько слов о Гоголе, 1852: 29].

В то же время «Москвитянин» публикует обзор «Русская литература в 1851 году» Ап. Григорьева, где мы видим Гоголя в ряду европейских, признанных авторов: «Одну и ту же глубокую, живую веру и правду, одно и то же тонкое чувство красоты и благоговения к ней вы встретите в Шекспире, в Гоголе, в Гете, в Пушкине» [Григорьев, 1852: 27]. Далее юмористический талант Гоголя автор статьи сравнивает с талантами Стерна, Рихтера, Диккенса, Гофмана и не в пользу последних. В качестве ровни для Гоголя признается только уже канонизированный и европейской и русской литературой Шекспир [Блум, 1998]. «Такова идеальная и гармоническая художественная натура, которую мы, по нашему крайнему разумению, приняли за исходную точку современного состояния словесности» [Григорьев, 1852: 28].

Позже в «Москвитянине», в статье «О сатирической поэзии» мы снова обнаруживаем Гоголя в подобном списке: «Возьмите вы Державина, Фонвизина, Грибоедова, Крылова, Дмитриева, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и лучших современных писателей вы увидите...» [Несколько замечаний о причинах особенных успехов сатирической поэзии в России, 1852: 21]. Надо заметить, что во всем выпуске о Гоголе говорят в первую очередь как о комическом таланте, и даже сравнивают с Аристофаном.

В «Москвитяине» же, журнале богатом на высказывания о Гоголе, публикуется стихотворение «Над гробом Гоголя» Н. Берга, где покойный писатель предстает как романтический герой:

И действовал, и мыслил этот гений,
Исполненный живых, чудесных сил,
И тайных, неразгаданных видений...
Как будто нам теперь лишь уяснен
Великий дух – и мы должны сознаться,
Что вправе был задумываться он
И в самого себя уединяться [Берг, 1852: 273–274].

Там же он показан как тот, «Кто ведал Русь и жизнь ее глубоко», что становится распространенным взглядом на писателя, и объясняется славянофильскими воззрениями автора. Любовь прославянофильских литераторов к покойному важно отметить потому, что после смерти Гоголь, разумеется, больше не может защищать свои взгляды и артикулировать свою идентичность. С момента смерти писатель может быть присвоен группой, в том числе политической, как союзник на основании интерпретации сказанного и написанного при жизни.

Разумеется, смерть писателя благотворно сказалась на продаже книг: «Между тем прежние печатные сочинения Гоголя давно разошлись, и уцелевшие экземпляры покупаются, как я слышал, за страшно дорогую цену. Ожидания всех обращены на его семейство, или на тех, кому поручены литературные дела покойного» и далее упоминает, что издания, которые еще недавно стоили 25 рублей, расходятся по 50 и 75» [Аксаков, 1890: 203].

В «Современнике», в котором о Гоголе пишут гораздо более сдержано, публикуются «Заметки для биографии Гоголя», исследование, с указанием на погрешности в статье «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя», напечатанной в апреле в «Отечественных записках». В ней сохраняется свойственный изданию сдержанный тон, осторожность в

оценках, претензия на объективность. Там также выражается желание найти неопубликованные тексты Гоголя, надежда, что его друзья позволят опубликовать их переписку с писателем [Заметки для биографии Гоголя, 1852: 141]. Для аудитории «Современника» Гоголь предстает значимым для современности автором, но не более. Он появляется как одна из многочисленных потерь для литературы и искусства в 1852 году: «Сколько утрат в нынешнем году для литературы, для искусства, для науки, для света! Сколько блестящих личностей, сколько замечательных писателей и художников, еще так недавно и так безвременно сошедших в могилу! Гоголь, Жуковский, Загоскин, Брюллов, Прадье, Тони-Жуано... » [Несколько слов о Жуковском, 1852: 84].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Смерть является важной вехой в биографии, значимой частью нарратива о человеке: завершает биографию, делает повествование целостным, а значит, придает целостность и образу покойного. Смерть Н.В. Гоголя, ранняя, загадочная и трагичная, стала важнейшей частью его личного мифа.

Рецепция смерти значимого для общества человека реализуется через жанр некролога. Особенность некролога в том, что он представляет собой коллективную рецепцию образа покойного и должен выделить его социально значимые, образцовые для современной культуры черты и достижения. Именно общественная значимость Н.В. Гоголя привела к тому, что даже в личных письмах и воспоминаниях о смерти писателя говорят как о большой потере для литературы, а не личной трагедии.

К числу **сюжетов**, сформированных непосредственно после кончины Гоголя, в том числе и в некрологах о писателе, необходимо отнести следующие. Во-первых, это сюжет о последних днях писателя и сожжении второго тома «Мертвых душ». Он широко обсуждался в некрологах и других отзывах на смерть писателя и впоследствии нашел отражение в поздней рецепции писательского мифа. Во-вторых, это сюжет о Гоголе-мученике, подвижнике от литературы, что тесно связано с житнетворческой стратегией самого писателя. Эта черта его облика оказалась очень востребована в отзывах на смерть писателя.

Историко-культурный **контекст** середины XIX в. определил следующие особенности формирования посмертной репутации писателя. Во-первых, попытка цензурных комитетов запретить в печати некрологи о Гоголе привела к тому, что самые значимые отзывы на смерть писателя были опубликованы в Москве, а не в Санкт-Петербурге. Во-вторых, наибольшее внимание к смерти, прижизненной славе и высокому значению для современной литературы Гоголя уделяли прославянофильские издания (в

«Москвитяине», московском прославянофильском журнале, печаталось немало сторонников писателя). Это было во многом связано с убеждениями писателя в последние годы жизни, нашедших выражение в том числе в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», которая вызвала резко негативный отклик западника Белинского. Так, для аудитории «Современника» Гоголь предстает важным для современности автором, одной из многочисленных потерь для литературы в 1852 году, но не более. Для «Москвитянина» Гоголь представляется гораздо более значимой фигурой, одним из центров литературного поля.

ГЛАВА 3. ЮБИЛЕИ Н.В. ГОГОЛЯ 1902 И 1909 ГОДОВ: КОНСТРУИРОВАНИЕ СТАТУСА КЛАССИКА

3.1. Гоголевский юбилей 1902 года в столичных журналах

А. Вдовин в статье «Годовщина смерти литератора как праздник: становление традиции в России (1850–1900-е гг.)» указывает, что традиция отмечать смерть литератора формируется тогда, когда литературное поле обретает достаточную автономию [Вдовин, 2010: 81]. В связи с этим в Россию традиция широко отмечать смерть литераторов приходит относительно поздно: первым резонансным юбилеем становится столетие смерти М.В. Ломоносова в 1865 году. Празднование писательских юбилеев появляется как важнейший механизм формирования литературного канона, фиксации всеобщего признания писателя. Он отмечает, что пятидесятилетие со дня смерти литератора часто становится узлом перехода от локального празднования (например, в городе, где погиб литератор) к общенациональному, что во многом связано с окончанием действия авторского права и началом активного издания произведений покойного писателя. Также писательский юбилей имеет под собой огромный идеологический потенциал, наряду с юбилеями полководцев, правителей и другими государственными торжествами. Гоголевские торжества 1902 и 1909 годов «стали были “санкционированы” правительством и стали синтезом всего предыдущего юбилейного опыта» [Там же: 90].

Джеффри Брукс показал, что в конце XIX – начале XX веков, когда в Российской Империи происходит бурное формирование нации, начинает активно конструироваться национальный литературный канон [Brooks, 1981]. В 1902 году официальные власти оказываются заинтересованы фигурой Н.В. Гоголя как одним из тех литераторов, чтение которых формирует национальную идентичность (наравне с А.С. Пушкиным и В.А. Жуковским). В январе 1902 года «Журнал Министерства народного просвещения»,

официальный печатный орган министерства народного просвещения (характерно, что издание было создано по инициативе С.С. Уварова, автора теории «официальной народности»), публикующий в том числе «высочайшие» указы, среди правительственных распоряжений третьим пунктом размещает циркуляр № 3115 «О чествовании памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя»: «По отслужении всенощной накануне дня кончины упомянутых писателей, или Божественной заупокойной литургии в самый день кончины, или, наконец, панихиды, как то представляется наиболее удобным по местным условиям, должны быть в помещениях учебных заведений устроены торжественные акты или собрания учащихся и учащихся, с разъяснением последнего значения почившего писателя в отечественной литературе и истории и с раздачей, где позволят средства, разрешенных министерством биографий или сочинений чествуемого писателя, а равно и его портрета. При начальных народных училищах и бесплатных народных читальнях и библиотеках, где таковые имеются, должны быть с непростением на то в установленном порядке разрешения местного начальства, устроены публичные с туманными картинками чтения из подходящих сочинений чествуемых писателей» [Циркуляры министерства народного просвещения, 1902: 20].

Как мы видим, на государственном уровне чествование памяти Н.В. Гоголя было соединено с чествованием Жуковского. Парный характер юбилея в первую очередь определили общие обстоятельства конца жизни и смерти: они умерли в одном году с разницей почти в месяц, вели переписку в последние годы жизни [Анисимова, 2016]. Также важно вспомнить о роли Жуковского в литературной судьбе Гоголя, он был одним из состоявшихся литераторов, позволивших Гоголю войти в литературное поле: «Дельвиг решился рекомендовать его Жуковскому; Жуковский, не всмотревшись в этого новичка в литературе, сбыл его на руки Плетневу, этому надежному ментору и руководителю всей пишущей братии» [Полевой, 1902: 583].

Эрнст Гелнер в работе «Нации и национализм» пишет, что именно образовательный проект становится в индустриальную эпоху главным инструментом формирования нации [Гелнер, 1991]. Фактически школьный литературный канон становится синонимом национального канона, поэтому нет ничего удивительного в том, что учебные заведения становятся центром празднования юбилеев. Д.Р. Невская в статье «Три фазиса признания и увенчания. К истории первых юбилеев Гоголя», опираясь на классификацию Ивана Щеглова, называет пятидесятилетие со дня смерти писателя «педагогическим фазисом» [Невская, 2013].

Иван Щеглов, автор книги «Подвижник слова. Новые материалы о Гоголе» [Щеглов, 1909] приводит уникальные свидетельства празднования первых официальных гоголевских юбилеев. Он указывает на то, что несмотря на усилия властей праздник не получилось сделать подлинно народным: в Даниловском монастыре он надеялся увидеть толпы людей, пришедших высказать свое почтение великому писателю, а нашел лишь «скромную кучку саней» [Там же], что очень задело его, как почитателя таланта Гоголя, приложившего немало усилий к тому, чтобы о писателе вновь заговорили. Значительную часть публики составляла пригнанная на мероприятие «гимназическая малышня» [Там же]. Щеглов указывает на то, что юбилей во многом прошел формально, «неряшливо», «бестолково», а то, что юбилей смерти Гоголя и Жуковского отмечались вместе, только усиливало неразбериху, так например, на «Жуковско-Гоголевской» выставке не было каталогов, и было буквально невозможно отделить «жуковские» экспонаты от «гоголевских» [Там же]. Схожий скепсис относительно юбилейных торжеств высказывается в журнале «Русское богатство»: «Последние дни минувшего февраля были ознаменованы в столицах и в провинции рядом торжеств, посвященных памяти Гоголя. В общем, однако, торжества эти прошли довольно бледно и бесцветно, не вызвав сколько-нибудь подъема общественного настроения. В атмосфере текущей действительности чествование памяти великого писателя не могло получить

настоящего своего значения, не могло обратиться в широкий общественный праздник. На деле оно и свелось по преимуществу к школьному празднованию, получившему при том некоторый официальный оттенок» [Хроника внутренней жизни. Эпизоды Гоголевского юбилея, 1902: 158]. Далее в отчете о празднованиях перечисляются анекдотические события: о том как некий чиновник сорвал празднования в Ярославской губернии, увидев в рассылке циркуляра что-то опасное (что, очевидно, должно прочитываться как сюжет из «Ревизора») или о том, как городской голова в Полтавской губернии отказался праздновать, заявив, что «далеко Гоголю до Пушкина» [Там же]. Одной из главных проблем организации праздника, из-за которой чествование писателя превратилось в «школьный праздник», названо то, что образ Гоголя был упрощен: «мерка, согласно которой достоинство писателя определяется степенью благонамеренности и „положительности“ его направления, плохо подходит к Гоголю, и то время, когда такая мерка авторитетно провозглашается в качестве критерия литературных заслуг, едва-ли является особенно удобным для сознательного чествования памяти великого сатирика, беспощадно бичевавшего многообразные проявления житейской пошлости» [Там же: 161].

Чествование писателя на государственном уровне представляет собой «изобретенную традицию». Юбилей смерти, представленный как праздник является символическим актом, манифестирующим то, что современная культура имеет прошлое, то, что эта культура объединяет ее носителей [Хобсбаум, 2000]. Видимо, это и привело к тому, что в юбилее 1902 года преобладала ритуальная форма при нехватке внутреннего содержания, в чем современники увидели слишком плоское изображение Гоголя, избыток давления со стороны властей. 1902 год был отличной отправной точкой для формирования национального культа писателя, потому что произведения покойного писателя перестали «по нашим законам о печати, быть собственностью наследников или тех, кому переданы права на них, становятся достоянием всеобщим: их имеет право издавать и частями и

полным собранием каждый, и каждый, конечно, для всеобщей выгоды старается продавать их как можно дешевле» [Воскресенский, 1902: 596]. Это давало надежду на виток свежего интереса к писателю и по чисто экономическим причинам: «Гоголь приблизится теперь к народу, войдет в народ, как входит в народ Пушкин» [Там же].

Юбилей 1902 года так же стал переломным событием в разрушении репутации Гоголя как «мракобеса», «проповедника кнута» [Невская, 2013]. Так в статье «Великий юморист и подвижник (по случаю 50-летия со дня кончины Н.В. Гоголя)» «Вестника всемирной истории» немало места отводится политической «реабилитации» писателя: «Картель гоголевского юмора, заряженная в пушку „Мертвых душ“, пробила брешь в крепостном праве <..> Насколько интенсивно шла в это время работа общественного сознания – видно хотя бы из того факта, что прошло только двенадцать лет от выхода в свет мертвых душ до манифеста об освобождении крестьян» [Нова, 1902: 35]. Разумеется, у Гоголя не могло быть четкой позиции относительно отмены крепостного права – он не дожил до 1861 года, так что мы видим один из ходов в игре по политическому присвоению Гоголя, на этот раз в роли освободителя, а не «проповедника кнута». За этим в статье следует радикальное перепрочтение «Выбранных мест», которые во многом и создали писателю репутацию «реакционера» (не только само произведение, но и отзыв на него В.Г. Белинского): «Наделавшая много шуму и вызывавшая горячие прения книжоночка эта, подобно „Похвале глупости“ гуманиста Эразма, богослова и сатирика, то же „писем темных людей“ Ульриха фон Гуттена – одного из авторов, – сыграла роль, что называется, отрицательной пропаганды или доказательства от противного» [Там же: 36].

В 1902 году продолжает свое развитие агиографический сюжет о Гоголе. В этой же статье, излагая основные этапы жизни писателя, Гоголя изображают святым: «когда пришлось для сохранения нравственной самостоятельности отказаться от всяких расчетов на личное счастье, – в его произведениях и письмах все настойчивее и сознательнее звучит

проникновенный голос аскета, выступающего перед публикой с проповедью покаянного очищения» [Там же: 20]. Так что вполне логично, что далее писатель сравнивается с религиозными деятелями, создателями новых религий: «Это было сумасшествие, если хотите, но то самое, с каким в средние века совершались религиозные перевороты, вроде Магомета, Гусса, Лютера и прочих реформаторов» [Там же: 22–23]. Эта часть литературной биографии пользовалась огромным успехом, в 1902 году она стала неотъемлемой частью образа Гоголя. Так, в «Русском богатстве», в статье «Гоголь. Из посмертных бумаг» изложение биографии Гоголя заканчивается историей о том, что перед смертью писатель выказал желание посетить Иерусалим, чтобы поклониться Гробу Господню [Елисеев, 1902: 48]. В статье «Писатель-гражданин» (одно название которой предполагает определенное прочтение образа Гоголя как писателя, концентрирующегося на социально-значимых темах) он также раскрывается как писатель-подвижник: «В основе своей Гоголь – самая аскетичная натура всей русской литературы. Этому человеку лично для себя ничего не нужно было <...> Словом, по психологическому рисунку своему это был настоящий монах, угрюмый, серьезный, всегда отданный думам высшего порядка. Но аскетизм Гоголя никогда не бегал от людей. Он был не из тех монахов, которые уходят в пустыню, чтобы спасти только свою душу, и отрясают от себя пыль мира сего. Гоголь всегда и сам работал для мира и других к этому звал» [Венгеров, 1902: 144]. В литературной биографии Гоголя имплицитно реализуется христологический сюжет: он спасает своим страданием соотечественников через литературный труд.

То обстоятельство, что празднуемый день был годовщиной смерти писателя, актуализировало память об обстоятельствах его смерти. Тем более что смерть и сожжение работ Гоголем стали важной частью персонального мифа, а попытки определить мотивы сожжения – поиском способа интерпретации образа писателя. При этом важно, что трагедия Гоголя всегда описывается как нечто глубоко внутреннее, а страдания, по причинам не

очевидным для простого наблюдателя, как требующие глубокого анализа: «Наступает пятидесятилетие заключительного момента одной из самых страшных драм, какие только знает история человеческих страданий. Драм, тем особенно страшной, что вся она произошла без всякого внешнего повода. Нет в ней тех ударов судьбы, которые мы привыкли видеть как в драмах, созданных воображением писателей, так и созданных самою жизнью <...> В трагическом завершении жизни Гоголя весь узел драмы был в собственной психологии страдавшего» [Там же: 122].

Представление о Гоголе, как о человеке, при жизни не испытывавшем внешних преград, обласканном властями, но при этом живущим невыносимо тяжелой внутренней жизнью окажется очень устойчивым. К примеру, Абрам Терц описывает Гоголя именно таким образом: «Внешне биография Гоголя бедна событиями и до ужаса благополучна. О ней неинтересно рассказывать: служил, писал, лечился – сам не ведая от чего, почему. По сравнению с Пушкиным, Лермонтовым, раздражает какое-то роковое неучастие судьбы в его человеческом жребии, какая-то неодолимость <...> никакие бури истории, гонения, приключения не посетили его одиночества. И всё ему как-то сходило с рук...» [Терц, 2009: 6]. Однако в 1902 году этот сюжет уже встречается повсеместно: «Погиб человек, необычайно богатый одаренный от природы, радостно встреченный всеми лучшими представителями русской мысли, благоприютствуемый, почти балуемый судьбою, не испытывавший никаких тяжелых невзгод и несчастий <...> Погиб, подавленными собственными же громадными силами, с которыми он, как сказочный богатырь, не мог совладать, по недостатку характера и того чувства меры, которое так высоко развито в гениальных писателях и мыслителях Запада, умеющих вполне использовать своих сил для общего и своего личного блага» [Полевой, 1902: 595].

Вероятно, главным вопросом, который поставил юбилей писателя 1902 года, стал вопрос о первенстве в литературном пантеоне. Будет ли у русской литературы абсолютный центр, и кто его займет: Гоголь или Пушкин?

Некоторые приняли примеряющую позицию: «Все это идет от Гоголя и странным недоразумением является часто дебатированный вопрос: от кого пошла новейшая русская литература – от Пушкина или от Гоголя. Она пошла и от того, и от другого» [Венгеров, 1902: 124]. Это столкновение на вершине писательского пантеона будет пародийно осмыслено Д. Хармсом в миниатюре «Пушкин и Гоголь»: «Вот черт! Никак об Гоголя! Гоголь (поднимаясь): Мерзопакость какая! Отдохнуть не дадут. (Идет, спотыкается об Пушкина и падает). – Никак об Пушкина споткнулся! Пушкин (поднимаясь): Ни минуты покоя! (Идет, спотыкается об Гоголя и падает)» [Хармс, 1997: 333]. Однако именно Гоголю многие отводят роль начинателя новой литературы: «Гоголь – признанный основатель и глава нового периода русской литературы» [Воскресенский, 1902: 620]. В качестве причины такого выбора указывается на то, что именно он создал язык современной литературы, ставший языком всех значимых современных писателей: «С Гоголя водворился в России совершенно новый язык; он безгранично нравился своей простотой, силой, четкостью, поразительной бойкостью и близостью к натуре. Все гоголевские обороты, выражения быстро вошли во всеобщее употребление <...> влияние Гоголя отразилось на блестящей плеяде наших писателей сороковых годов – Тургеневе, Достоевском, Гончарове, Писемском, Григоровиче, Островском и др.» [Там же: 620]. Однако за Пушкиным остается старшинство – «И бессмертная комедия “Ревизор”, и неподражаемая поэма Мертвые души, приняли литературное крещение от самого Пушкина, который дал Гоголю сюжеты для обоих названных произведений» [Гуссов, 1902: 7], – что продолжает миф об огромном влиянии Пушкина на творчество Гоголя, который развивал сам писатель как часть своей жизнетворческой стратегии. «Уже сама возможность спора относительного того, кого из двух писателей следует ставить во главе текущего направления литературы, указывает на совместную работу обоих писателей в деле создания этого направления» [Там же: 12].

3.2. Пятидесятилетие со дня смерти Гоголя в сибирской прессе

Празднование литературных юбилеев в провинции, особенно в Сибири, становится особенно актуальным в рамках нацистроительного проекта рубежа веков. Сибирь только начинает восприниматься как легитимная часть Российской Империи, и тем более важным становится включение ее населения в общую культурную жизнь. Начиная со столетнего юбилея Пушкина, литературные праздники повсеместно отмечались в Сибири: «В Барнауле отмечали даже такие даты, как в 1902 г. 50-летие со дня смерти Н. В. Гоголя, в 1909 г. – 100-летие со дня его рождения, в 1911 г. – 200-летие М.В. Ломоносова.<...> В Иркутске в 1899 г. отмечали 100-летие со дня рождения Пушкина, в 1902 г. – 50-летие со дня смерти Гоголя, в 1909 г. – 100-летие со дня его рождения, в 1911 г. – 200-летие Ломоносова, 70-летие со дня смерти Лермонтова и 50-летие со дня смерти Шевченко, в 1914 г. – 100-летие со дня его рождения» [Гончаров, 2013].

Празднование юбилея Гоголя в Сибири регулировался двумя документами: постановлением училищного совета при Святом Синоде «о неимении препятствий к чествованию в церковных школах учительских, второклассных, одноклассных и двухклассных памяти Гоголя и Жуковского с соблюдением преподанных в этом отношении указаний» и «Циркуляром министра народного просвещения попечителям учебных округов» [Жилякова, 2012]. Местная пресса широко освещала юбилейные торжества. Так, например, крупнейшая сибирская газета того времени, «Сибирская жизнь», издававшаяся в Томской губернии, говорила о юбилее несколько недель, а один номер фактически полностью уделила биографии и литературному значению Гоголя (Жуковскому отдельного номера посвящено не было) [Там же]. «Сибирская жизнь» была очень влиятельным изданием, ее материалы часто перепечатывались газетами других сибирских городов: Иркутском, Красноярском. Так создавалась четкая схема ретрансляции распоряжения о праздновании от центра империи к сибирским центрам. Так,

например, совершенно очевидно, что местные постановления по форме и содержанию повторяют указанное из столицы: «Прежде всех чествовать память покойного писателя собирается общество попечения о начальном образовании. Оно уже 17 февраля, в помещении общественного собрания, устраивает гоголевский вечер. Программа вечера обещает быть разнообразной и интересной. Прежде всего будет прочитана биография Гоголя и выяснено его значение в русской литературе. Затем будет поставлено несколько сцен из «Мертвых душ», «Старосветских помещиков» и «Тараса Бульбы». Будет также поставлено несколько живых соответствующего содержания картин. В виду предстоящего чествования памяти Н.В. Гоголя, совет общества попеч. о нач. образ. постановил вывесить портреты Гоголя во всех школах общества» [Томская хроника. К чествованию памяти Н.В. Гоголя, 1902: 3].

В Сибири также не обошлось без анекдотических ситуаций. Так же, как и в европейской части России, здесь были люди, не считавшие Гоголя подходящим для литературной канонизации. Гневный ответ некому господину Вонсовичу, усомнившемуся, стоит ли чествовать писателя «не протестовавшего против крепостного состояния народа», был опубликован в № 34 «Сибирской жизни»: «Какое нам дело до того, что Гоголь был великий художник, когда его украинская ночь не протестовала против рабства, а чудный голубой Днепр с одинаковой любовью укачивал и господина, и раба. Какое нам дело до того, что Гоголь не только отрицательно относился к современной ему действительности, но был бичом для нее и настолько хлестким, что г. г. консерваторы – (бывшие крепостники тоже) до сих пор морщатся, вспоминая об этом биче>... <Пушкин был помещик, следовательно крепостник. Долой его из народных аудиторий. Тургенев, как помещик, не ко двору нам. Лермонтов имел 15 ½ холопских душ. Не надо его! Некрасов был издателем журнала, следовательно, предпринимателем, эксплуатирующим рабочую силу. Долой его» [Маленький фельетон. Долой

Гоголя!, 1902: 3]. Бессмертие Гоголя в фельетоне подтверждают тем, что один Держиморда есть в Томске.

В Красноярске литературные юбилеи 1902 года освещала газета «Енисей» – первая частная газета Красноярска. Она издавалась под этим названием с 1894 по 1905 год. Газета основана Емельяном Федоровичем Кудрявцевым в 1889 году под названием «Справочный листок Енисейской губернии» и была переименована в 1892 году в «Енисейский справочный листок» [Безруких, 2012: 228–229].

Первое сообщение о готовящихся мероприятиях в связи с юбилеем писателя появляется в газете 17 февраля в разделе «Хроника»: «На экстренном заседании Красноярской городской думы, состоявшемся 14 февраля, по предложению городского головы, обсуждался вопрос о чествовании великого русского писателя Н.В. Гоголя. Между прочим голова предложил для увековечения имени Н.В. Гоголя открыть с будущего учебного года в одной из окраин города начальную школу, назвав ее Гоголевскою <...> При обсуждении дальнейшей программы чествования памяти Н.В. Гоголя гласный А.Г. Смирнов выразил желание, чтобы была совершена панихида по Н.В. Гоголе, как человеку, отличавшемуся глубокой религиозностью. <...> Городской голова сообщил, что для раздачи учащимся городских школ им выписали памятные листки и дешевые издания сочинений Н.В. Гоголя для раздачи учащимся во время празднования памяти Н.В. Гоголя 21 февраля в Пушкинском народном доме <...> Большинством гласных отклонен вопрос о наименовании одного из училищ Гоголевским, но зато принято предложение об постановке бюстов Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского на главной аллее городского сада» [Хроника, 1902а: 3]. Бюджет, выделенный для мероприятия – 100 рублей, и, очевидно, большая часть этих денег была потрачена именно на мероприятия для школьников. К 1902 году Н.В. Гоголь уже занял прочное место в школьных хрестоматиях. А.В. Вдовин, анализируя состав 108 хрестоматий XIX века, показывает, что тексты Гоголя с 1843 по 1912 годы появляются в них 236 раз [Вдовин, 2013:

312]. Важным оказывается и замечание о религиозности писателя – так на уровне отчета о готовящемся мероприятии мы видим след мифологизации его биографии, то, как отдельные ее части выступают на первый план.

Выпуск газеты от 20 февраля почти полностью посвящен юбилею. В телеграммах из других городов пишут о готовящихся приготовлениях к чествованию Гоголя, так что для читателя происходящее в Красноярске оказывается вписано в событие всероссийского масштаба. В отличие от дежурных телеграмм из сибирских городов, примечательно сообщение из Москвы: «16 февраля, публицист Гиляровский, вернувшийся из Малороссии, представил для выставки кресло, в котором умер Гоголь, и ряд его неизданных и неизвестных писем и рисунков, изображающих иконы» [Телеграммы, 1902: 1]. Как мы можем увидеть, это сообщение продолжает сюжет о писателе, как о святом – перед нами реликвия, связанная со смертью писателя, интересная сама по себе, как могут быть интересны мощи.

На передовой того же номера публикуется большая заметка о юбилее, включающая биографию писателя и попытку указать на его место в русской литературе: «В завтрашний день Россия празднует память одного из величайших писателей русской литературы, после смерти которого протекло 50 лет. Полвека достаточный период, чтобы понять и оценить талант одного из страдальцев нашей родной литературы. Выросший хотя и в интеллигентной семье, но среди окружавшего семью его патриархального общества, с его грубой простотой и предрассудками, с нравами и порядками старины, Гоголь рано почувствовал все недостатки и темные стороны русской жизни, в то же время крепко привязавшись к родному краю, его природе, к его жителям, плодом какой привязанности явились его знаменитые “Вечера на хуторе близ Диканьки”, этой первой у нас попытке встать на современную народную почву. <...> Получивший поверхностное образование, Гоголь не мог не говорить: “мелкого не хочется, великое не выдумывается”. И он бросался из стороны в сторону, пока не обрел себе гения – путеводителя в лице Пушкина. <...> Тот и другой хорошо понимали

окружающую их жизнь, видя в ней массу мерзостей и несправедливостей, и если Пушкин был создан “не для житейского волнения, не для корысти, не для битв”, то Гоголь бы способен смеяться сильно над тем, что действительно было достойно осмеяния. <...> Но как тяжело доставалось за это Гоголю. Кто, например, не знает, что его бессмертная комедия <...> сатира «Ревизор» попала на сцену лишь благодаря заступничеству Николая I го. Эта превосходная сатира и его “Мертвые души”, совершенно верные действительности, вызывавшие озлобление разных Шпекиных, Земляник, и городничих, положил в русской литературе первый камень реального изображения русской жизни, дали первой самостоятельность и общественное значение. <...> Гоголь, можно сказать, создал русскую прозу, как Пушкин создал русский стих.<...> Так случилось и с Гоголем. Под влиянием болезни и происходившей в нем душевной борьбы, талант его преждевременно погиб, явилось разочарование и желание душевного успокоения во внутреннем примирении с самим собою.<...> Однако, Гоголь не умер, он живет. Он, явившись выразителем стремлений своего времени и общества, первый, по словам профессора Пыпина, был писателем социальным, – путь по которому пошли и дальнейшие писатели – Тургенев, Достоевский и др.» [Передовая, 1992: 2].

Процесс канонизации – это процесс встраивания в иерархию, а значит, особое внимание обращает на себя тот момент, когда имя Гоголя оказывается встроено в ряд других имен. И мы видим, какое место занимает Гоголь в глазах автора заметки рядом с Пушкиным и Жуковским: «О другом юбиляре – поэте Жуковском, смерти которого тоже минуло 50 лет, мы можем сказать немного. Жуковский имеет значение в русской литературе как художник, обработавший русский стих, придавший ему гибкость и изящество, внесший в русскую литературу романтизм, то этическое настроение, которым выражается внутренний мир души человека, сокровенная жизнь его сердца» [Там же]. С Пушкиным возникает отношения одновременно ученичества и равенства – они оба создатели современного литературного языка, и оба

создатели новой литературы, но вместе с тем первенство отдано Пушкину. Связь с Пушкиным для Красноярска в тот момент актуализирована не только недавним столетним юбилеем, но и внелитературным событием – открытием Пушкинского дома – «... в ознаменование же праздновавшегося в тот год 100летия со дня рождения великого русского писателя А.С. Пушкина, единогласно постановлено: присвоить дому наименование “Пушкинского”» [Там же]. Помимо этого Гоголь занимает в заметке одновременно позицию писателя современного, социального и того, кто может дать вневременного опыт – того, кто соединяет прошлое и будущее в литературе. В этой и других заметках, которые мы обнаружим в сибирской прессе перед нами вырастает не только Гоголь как часть канона, но и канонический способ толкования, рецепции Гоголя как реалиста, сатирика, обличителя социальных реалий современной России. Празднование юбилея включало в себя открытие бесплатных читален, проведение спектаклей, публичное чтение биографии и произведений Гоголя, «живые картины» на тему произведений писателя – как и во всех остальных городах Российской империи.

Так описаны мероприятия в мужской воскресной школе: «На эстраде был поставлен портрет Н.В. Гоголя, изящно украшенный венком из зелени, перевитый лентами и цветами, освещенный двумя большими канделябрами», после чествования писателя были танцы и «ученикам младшего возраста были розданы пакеты со сладостями» [Хроника, 1902b: 1]. Как мы видим, по отношению к Сибири было во многом справедливо то, что заметил про столичные празднования И. Щеглов: ориентация на учебные заведения и на школьников как основных участников празднования, избыток формальностей, внешнего. Так, описанное выше празднество совершенно не рефлектирует значение Гоголя как писателя – в первую очередь это праздник с украшениями, танцами и сладостями.

3.3. Освещение юбилея Гоголя 1909 года в русской периодике

Согласно классификации Ивана Щеглова, в 1909 году, столетие со дня рождения писателя, наступил «демократический фазис» признания Н.В. Гоголя [Щеглов, 1909]. Демократический фазис означает подлинно народное признание автора. Этот этап становится возможен, когда имя и образ писателя уже присвоены интеллектуалами, а затем – властью. Как мы могли увидеть, этап, когда «поле власти» взяло на вооружение имя Гоголя, состоялся в 1902 году. При этом были неизбежны формальные и пустые мероприятия, не наполненные серьезной рецепцией образа и произведений писателя, ведь основной аудиторией торжеств были школьники. В связи с этим Щеглов рассматривает юбилей смерти со всеми перекосами и нелепостями как репетицию, подготовку к столетию рождения, когда многие ошибки будут исправлены [Невская, 2013]. Право организовать юбилей заранее, еще в 1899 г., в столетний юбилей Пушкина, взяло на себя Общество Любителей Российской Словесности при Московском университете. Одной из задач, стоявших перед организаторами, было определение года и дня рождения писателя. Исследование А.Е. Грузинского и председателя общества, В. Каллаша, одного из первых биографов Гоголя, было опубликовано в № 20 «Русских Ведомостей», в статье «О дне рождения Н.В. Гоголя» – согласно исследованию, точная дата рождения писателя 20 марта 1809 года [Там же]. Определение точной даты рождения писателя характерно для 100-летнего юбилея со дня рождения, например, вопрос о точной дате рождения В.А. Жуковского был поставлен именно в 1883 г. Тема установления настоящего дня рождения Гоголя оказалась интересной для читателей, так, журнал «Пробуждение» публикует свое расследование «Когда родился Гоголь», где прилагает копию метрической записи о рождении Гоголя, которая была найдена «в метрических книгах сорочинской управы, где мы находим отметку о рождении и крещении Гоголя под 1809 годом, в марте <...> во всех существующих до последнего времени

биографиях мы имеем ту же дату» [Когда родился Гоголь. Метрическая выпись, 1909: 162].

Вероятно, самым большим событием юбилейных торжеств стало открытие памятника Гоголю в Москве, в конце Пречистенского (ныне Гоголевского) бульвара, за авторством скульптора Н. Андреева. Так в «Богословском Вестнике» на литературном вечере воодушевленно ждали открытия памятника как окончательного триумфа Гоголя: «Через два дня в Москве, среди торжественной обстановки, снимется с нового памятника покрывало, и перед многотысячной толпой предстанет увековеченной в грандиозном изваянии немеркнущая слава могучего русского гения. Не только вся мыслящая Россия, в лице своих представителей, но даже многие просвященнейшие представители Европы принесут к подножию памятника дань своего горячего преклонения перед бессмертным образом Гоголя. Торжественное открытие памятника, совпадающее со столетней годовщиной со дня рождения великого писателя, не только обновляет в памяти всей России этот образ, но и несомненно вырастает в великий национальный праздник <...> это писатель не теоретически только нами оцениваемый, как родоначальник новейшего периода русской литературы. Нет, он непосредственно нам близок <...> Его дорогое лицо с тонким и характерно опущенным носом, со свесившуюся скобкою волос, с пронизательными глазами, взглянуло на всех нас еще в детстве, в самом начале нашего развития, со страниц наших школьных хрестоматий и учебников. Оно показалось нам вслед за курчавой головой другого поэта, и уже никогда нами не может быть забыто» [Туницкий, 1909: 112]. Показательно, что еще до появления памятника Гоголь предстает как легко узнаваемый визуальный образ, соответствующий портретам конца жизни писателя и литографиям, изображающим его в гробу. Этот визуальный образ должен закрепить, согласно ожиданиям, вполне конкретные смыслы: Гоголя как родоначальника современной литературы. Празднование юбилея здесь прямо называется национальным праздником. Помимо традиционных в таких

случаях слов о бессмертии писателя и его значении для культуры важно, что Гоголь предстает как «классик», тот, кого все присутствующие знают по умолчанию, так как его портреты, очевидно, были в школьных учебниках. Писатель в этой речи принимает функцию моста между прошлым и настоящим: он неизменная часть нашей культуры, его фиксированный образ одинаков и актуален тогда и сегодня. Гоголь, смотрящего на нас сквозь годы, знакомого нам с детства и неизменного вполне отвечает механизму «изобретенной традиции».

Важной частью канонизации писателя становится выход его образа во внелитературную среду. В столице, празднующей юбилей писателя, продавались «карамель „Гоголь“ и пряники „Ревизор“, а также булавки с фарфоровой головкой, на которых умельцы исхитрились уместить портрет Гоголя» [Муравьева, 2011: 667]. В записи заседания Таврической ученой архивной комиссии товарищ председатель комиссии В.А. Иванов поделился с собранием воспоминанием о том, как он лично видел Н.В. Гоголя в 1850 году, где также появляется узнаваемый портрет писателя: «Действительно, я дождался этого и увидел выходящего молодого еще человека, бледного, болезненного <...> меня тогда поразили три предмета: длинный сюртук Гоголя, длинный козырек его шапки и длинный нос его» [Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. 20 марта 1909 г., 1909: 176].

Если в 1902 году свидетель торжеств Щеглов сетовал на малую численность посетивших торжества, на то, что прибывшему в Москву иностранцу невозможно было бы понять величие чествуемого писателя, то в 1909 году он указывает на огромное количество участников, особенно на открытии памятника. Желających возложить к памятнику венок было так много, что началась давка и многие до памятника так и не добрались, а давка в очереди длилась пять часов. Построенные для посетителей трибуны невозможно было использовать: был риск, что они обрушатся под наплывом желающих увидеть памятник [Невская, 2013].

Н.Ю. Грякалова в статье «XX век открывает Гоголя (Гоголевские дни 1909 года)» указывает, что и сама скульптура авторства Н.В. Андреева, изобразившая Гоголя «больной птицей», и неоднозначная реакция общественности указали на новый конфликт интерпретации образа Гоголя [Грякалова, 2011]. Если до сих пор главенствовало прочтение Гоголя в русле, проложенном еще Белинским, как писателя реалиста, остросоциального писателя, то рецепция Гоголя Мережковским в работе «Гоголь и черт» дала новое измерение для прочтения: «Единственный предмет гоголевского творчества и есть черт именно в этом смысле, то есть как явление „бессмертной пошлости людской“, созерцаемое за всеми условиями местными и временными: историческими, народными, государственными, общественными, явление безусловного, вечного и всемирного зла» [Мережковский; цит по Муртузалиева, 2017]. Мережковский открывает Серебряному веку метафизическое измерение творчества и личности Гоголя, как первого писателя, сумевшего увидеть «черта» без романтической маски, изобразивший зло через смешное и пошлое. Это предусматривает и новую метафизическую рецепцию болезни и смерти писателя: «Мережковский предполагает, что и болезнь, и мистицизм являются следствием чего-то более глубокого, а именно уже ранее обозначенного первозданного несоответствия, неравновесия между духом и телом» [Муртузалиева, 2017]. Мережковский резко поднимает статус «Выбранных мест из переписки с друзьями», называя этот текст началом русской литературы. Во многом благодаря опыту рецепции Мережковского Гоголь органично вписался в новую парадигму модернизма и литературы начала XX века (вспомним здесь появление программной книги поэта-символиста уже следующего поколения – «Мастерство Гоголя» Андрея Белого [Белый, 1934]).

Обнаруженный в Гоголе гротеск, фантастика, метафизическое измерение его текстов, «другой Гоголь» (такое прочтение образа писателя станет основным для символистов и всего Серебряного века) читался в памятнике Андреева отчетливее, чем привычный обличитель пороков,

«великий реалист»: «Скульптор избрал кризисный, итоговый момент жизни – человека и творца. Но это был конец существования, совпадающий и с концом творчества – сожжением второго тома “Мертвых душ”, произошедшим, как тогда считали, в состоянии психической болезни. Скульптор запечатлел не пророка, а смятенного душой “больного гения” в соответствии с духом эпохи, осознавшей креативность аффекта» [Грякалова, 2011: 686]. Как мы видим, памятник актуализирует сюжет о безумии писателя и сюжет о сожжении второго тома «Мертвых душ», но в другой интерпретации, где при этом страдание писателя не является частью образа мученика, не приобретает формы жертвоприношения. Напротив, это глубоко интимное изображение человека, «имеющего право на болезнь и даже на ее „увековечение“» [Там же: 686]. В печати подобная трактовка образа Гоголя появляется в журнале «Пробуждение», где к столетию рождения писателя публикуются заметки о последних днях жизни Н.В.Гоголя взятые из записной книжки Веры Сергеевны Аксаковой (старшей дочери С.Т. Аксакова). В заметке акцент делается на болезни писателя: «Мы все были поражены его ужасной худобой. „Ах, как он худ, как он худ страшно“, – говорили мы ...» [Аксакова, 1909: 162]. Такую трактовку личности писателя нельзя было назвать распространенной, так что нет ничего удивительного, что публика ждала чего-то большего похожего на памятник Пушкину, установленный в 1880 году на Тверском бульваре. В центре Москвы оказались монументы двух наиболее значимых писателей национального пантеона, два памятника, как и два громких юбилея обозначили двойной центр литературного канона: «К десятым годам XX века в России, кажется, в равной мере признаны и отмечены заслуги обоих писателей. В Москве стоят памятники и Пушкину, и Гоголю; их именами названы улицы в обеих столицах; изданы полные собрания их сочинений; их произведения включены в школьные программы и хрестоматии» [Муравьева, 2011: 667].

Юбилей 1909 года подтверждает главное прочтение образа Гоголя как национального писателя и родоначальника литературы. В первом из

докладов, прочитанных на литературном вечере в память писателя в Московской Духовной Академии, говорится: «С точки зрения национальной, он носитель великой национальной скорби, со своим горьким смехом, оплакавший печальную правду русской жизни» [Туницкий, 1909: 113]. Далее докладчик, Н. Туницкий предлагает трактовку самой интригующей части биографии Гоголя, его смерти и страданий: «в свою очередь, хотелось бы приблизиться к той стороне его жизни и творчества, которая кажется наиболее загадочной и даже страшной и потому более к себе притягивающей. Я разумею страшную драму Гоголя. Драма эта по глубине и значению своему представляет собою одну из самых замечательных страниц, какие только знает история человеческих страданий <...> Гоголь-мыслитель хотел убить Гоголя-художника. <...> Человек, от которого пошла вся новейшая литература русского народа, отсекся от себя и вступил в борьбу с собственным гением, пока не умер обессиленный этой борьбой» [Там же: 113–114]. Здесь также видны следы жития-мartyрия, перед нами история величайшего страдания, но вместе с тем реализовано прочтение Гоголя как социального писателя через образ внутренней борьбы художника и мыслителя. В докладе «О страшном у Гоголя» А. Горского смерть писателя предстает как часть нормальной писательской биографии: «Известно, что все художники слова, трагически окончившие жизнь, как Пушкин, Лермонтов, Байрон, Уайльд и др. заранее напророчили этот конец в своих творениях, отчетливо наметили в них причины и обстоятельства своей гибели. Совершенно так же и Гоголь, – он уже высказался весь: в них в зачатке – вкратце дано все последующее развитие его личности и творчества» [Горский, 1909: 120]. Все эти писатели, кроме Уайльда, который попал в список, очевидно, как недавняя жертва своей жизнетворческой стратегии, так или иначе принадлежат романтической традиции. Неудивительно, что при анализе ранних фантастических произведений Гоголя, был актуализирован его образ романтического героя.

Речь председателя Таврической ученой комиссии тоже начинается с ключевых тем репутации Гоголя, страдания и национального значения: «сегодняшнее наше собрание совпало со днем столетней годовщины рождения Н.В. Гоголя. И нам надлежит прежде всего в настоящую минуту вспомнить нашего великого поэта-страдальца. <...> он вместе с тем дорог и близок нам, как человек, горячо любивший родину, ее историю, ее народное творчество, ее быт; он близок нам, наконец, как человек, много занимавшийся историей, высоко ценивший ее значение. Почтим же светлую память нашего великого поэта благоговейным вставанием» [Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. 20 марта 1909 г.: 172]. Гоголь появляется в речи как ценностный ориентир, с которым приятно себя ассоциировать: он, как и участники собрания, интересовался историей, преподавал, тем проще он становится «нашим» великим поэтом. Там же, как подтверждение статуса классика и родоначальника современной литературы, Гоголь оказывается вписан в историю литературы – от момента входа в литературное поле (здесь находит свое продолжение миф о Пушкине-учителе, созданный самим Гоголем) до признания актуальными писателями: «Пушкин первый угадал в Гоголе будущего замечательного писателя <...> Достоевский укрепил за ним имя родоначальника новой русской литературы; русская литература в лице ее виднейших представителей, кончая гр. Л.Н. Толстым, с его призывом к любви, состраданию и нравственному усовершенствованию, и Чеховым, с его призывом к гуманности и вере в человека, подтверждает правдивость слов Достоевского» [Там же: 172–173]. Для утверждения Гоголя в качестве ценностного ориентира было необходимо очистить его имя от негативных сторон его литературной репутации, поэтому докладчик с радостью добавляет: «Снято было одно из самых тяжелых обвинений с сатирика; не сторонником крепостничества, застоя, а “великим гражданином” признала его наука» [Там же: 172].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Юбилеи 1902 и 1909 годов переставляют собой ключевой момент вхождения Н.В. Гоголя в национальный литературный канон. Именно в 1902 году официальные власти оказываются заинтересованы фигурой Н.В. Гоголя как одним из тех литераторов, чтение которых формирует национальную идентичность (наравне с А.С. Пушкиным и В.А. Жуковским). Чествование писателя на государственном уровне представляет собой «изобретенную традицию». Юбилей смерти, представленный как праздник, является символическим актом, манифестирующим то, что современная культура имеет прошлое, то, что эта культура объединяет ее носителей. Это и привело к тому, что в юбилее 1902 года преобладала ритуальная форма при нехватке внутреннего содержания, в чем современники, в частности Иван Щеглов, увидели слишком плоское изображение Гоголя, избыток давления со стороны властей.

В 1902 году Гоголь интенсивно вводится в школьный канон. Основная часть мероприятий в это время была направлена на школьников и на закрепление Гоголя в юных умах, как писателя, чтение которого является инициацией, формой усвоения национальной культуры.

Во время юбилейных торжеств актуализируются следующие сюжеты о Гоголе:

- Гоголь как писатель-гражданин, в связи с этим важным становится разрушение репутации Гоголя как «мракобеса», «проповедника кнута», и конструирование его предполагаемого отношения к отмене крепостного права.
- Гоголь как родоначальник современной прозы и создатель современного литературного языка.
- Равное положение Гоголя и Пушкина в пантеоне, притом что за Пушкиным сохраняется старшинство, актуализируется сюжет о Пушкине – учителе Гоголя.

- Сохраняется христологический сюжет: Гоголь спасает своим страданием соотечественников через литературный труд.
- Юбилейные торжества стали моментом присвоения Гоголя различными силами – как в «поле власти», так и в «поле литературы». К 1909 году появляется новая трактовка образа Гоголя, обращающая внимание на его психическое состояние, гротеск, фантастику, метафизическое измерение его текстов, что связано с появлением трактовки образа писателя Мережковским в работе «Гоголь и черт». «Другой Гоголь» органично вписался в новую парадигму модернизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках исследования нами были собраны и проанализированы гоголевские некрологи, а также отклики на смерть писателя в письмах и мемуарах современников. Конструирование посмертного мифа о Гоголе было связано с влиянием жития на литературную биографию Нового времени, что привело к формированию образ мученика, подвижника от литературы. Значительно повлияли на формирование литературной репутации Гоголя последние дни его жизни и обстоятельства смерти. Сюжет о сожжении второго тома «Мертвых душ» получил несколько стойких интерпретаций: сюжет о безумии Гоголя, с одной стороны, сюжет о жертвоприношении и мученической смерти – с другой.

Историко-культурный контекст середины XIX в. определил следующие особенности формирования посмертной репутации писателя. Во-первых, это попытка цензурных комитетов запретить в печати некрологи о Гоголе, которая привела к тому, что самые значимые отзывы на смерть писателя были опубликованы в Москве, а не Санкт-Петербурге (отчасти, это повлияет на то, что в 1909 году памятник писателю поставят там, а не в северной столице). Во-вторых, как показало исследование, значительно больше внимания к смерти, прижизненной славе и высокому значению для современной литературы Гоголя уделяли славянофильские издания. Если для «Современника» Гоголь предстает важным для современности автором, одной из многочисленных потерь для литературы в 1852 году, но не более, то «Москвитянин» помещает Гоголя в центр литературного поля.

Мы произвели выборку публикаций о праздновании юбилеев Гоголя в столичной и региональной прессе 1902 и 1909 годов, что позволило проанализировать обстоятельства и характер празднования юбилеев писателя. Юбилеи 1902 и 1909 годов переставляют собой ключевой момент вхождения Н.В. Гоголя в национальный литературный канон. Именно в 1902 году официальные власти оказываются заинтересованы фигурой Н.В. Гоголя

как одним из тех литераторов, чтение которых формирует национальную идентичность. Два юбилея утверждают позицию писателя на вершине национального пантеона наравне с А.С. Пушкиным (в связи с этим актуализируется прижизненный миф Гоголя о Пушкине-учителе). Гоголь представляется родоначальником современной прозы и создателем современного литературного языка, пророком и нравственным ориентиром, выразителем национального самосознания. Основной трактовкой творчества Гоголя, поддерживаемой властными структурами, становится трактовка Белинского: Гоголь понимается как остросоциальный писатель и реалист. Вместе с тем появляется интерпретация, связанная с появлением версии образа писателя Мережковским в работе «Гоголь и черт». Этот «другой Гоголь» органично вписался в новую парадигму модернизма.

В перспективе дальнейшего исследования, для получения более полной картины формирования литературной репутации писателя возможно: изучить обстоятельства и характер празднования юбилеев Н.В. Гоголя в СССР, в частности, столетия со дня смерти в 1952 году; проанализировать статистику и логику включения произведений Гоголя в дореволюционные и советские хрестоматии; осмыслить биографии писателя в литературе русской эмиграции первой волны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем с включением всей переписки с 1832 по 1852 год. М.: Типография М.Г. Волчанинова. 1890. 208 с.
2. Аксакова В.С. Последние дни Гоголя // Пробуждение. № 6. 1909. С. 159–162.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288 с.
4. Андреева Е.А. Герои прошедшего времени в зеркале некролога [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geroi-proshedshego-vremeni-v-zerkale-nekrologa> (дата обращения: 30.05.2018).
5. Анисимова Е. Е. Творчество В.А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века. Красноярск: СФУ, 2016. 467 с.
6. Балакин А.Ю., Зубков К.Ю. «Современник» против «Москвитянина». Литературная полемика первой половины 1850-х годов. СПб.: Нестор-История, 2015. 872 с.
7. Баран Х. Р.О. Якобсон и жанр некролога [Электронный ресурс] // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/r-o-yakobson-i-zhanr-nekrologa> (дата обращения: 30.05.2018).
8. Безруких В.А., Быконя Г.Ф., Федорова В.И. Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX века). Красноярск: РАСТР. 2012. 240 с.
9. Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование. М.: ОГИЗ. 1934. 353 с.

10. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 352 с.
11. Берг Н.В. Воспоминания о Н.В. Гоголе // Н.В. Гоголь в воспоминаниях современников / под ред. С. И. Машинского. М.: Гос. издат. худож. лит., 1952. С. 499–510.
12. Берг Н.В. Над гробом Гоголя // Москвитянин. 1852. Т. 2. С. 273–274.
13. Библиография. Несколько слов о Гоголе // Современник. Т. 33. 1852. С. 29.
14. Блум Х. Шекспир как центр канона / пер. с англ. Т. Казавчинской // Иностранная литература. 1998. № 12. С. 194–213.
15. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
16. Вдовин А., Лейбов Р. Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, University of Tartu press, 2013. С. 7–34.
17. Вдовин А.В. Годовщина смерти литератора как праздник: к истории традиции в России (1850-1900-е гг.) // Festkultur in der russischen Literatur (18. bis 21. Jahrhundert) / Культура праздника в русской литературе XVIII–XXI вв. / Отв. ред.: А. Graf. Muenchen: UTZ Verlag, 2010. С. 81–93.
18. Вдовин А.В. Понятие «русские классики» в критике 1830–50-х гг. // Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт: в 2 ч. / Отв. ред.: Р.Г. Лейбов. Ч. 1. Тарту: Tartu University Press, 2012. С. 40–56.
19. Вдовин А.В. Частотность авторов и их текстов в русских хрестоматиях XIX века (1805–1912) // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные

тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, 2013. С. 310–317.

20. Ведищева Ю.В. О современном состоянии теории жанра литературного портрета [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovremennom-sostoyanii-teorii-zhanra-literaturnogo-portreta> (дата обращения: 30.05.2018).

21. Венгеров С. Писатель-гражданин // Русское богатство. 1902. № 2. С. 122–144

22. Виноградов И.А. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. М.: XXI век – согласие. 2001. 776 с.

23. Виноградов И.А. Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе [Электронный ресурс] // Проблемы исторической поэтики. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosmopolit-ili-patriot-kontseptsiya-patriotizma-v-sporah-s-gogolem-i-o-gogole> (дата обращения: 30.05.2018).

24. Виноградов И.А. Отеческое попечение: император Николай I в судьбе Гоголя [Электронный ресурс] // Studia Litterarum. 2016. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otecheskoe-porechenie-imperator-nikolay-i-v-sudbe-gogolya-1> (дата обращения: 31.05.2018).

25. Воронцов А.В. Гоголь как социальный мыслитель [Электронный ресурс] // Universum: Вестник Герценовского университета. 2009. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gogol-kak-sotsialnyy-myslitel> (дата обращения: 30.05.2018).

26. Воропаев В.А. Кончина Гоголя. Некрологическая статья М.П. Погодина с пометами графа А.П. Толстого, С.П. Шевырева и А.С. Хомякова [Электронный ресурс] // Проблемы исторической поэтики. 2005. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konchina-gogolya-nekrologicheskaya-statya-m-p-pogodina-s-pometami-grafa-a-p-tolstogo-s-p-shevyreva-i-a-s-homyakova> (дата обращения: 08.06.2018).

27. Воропаев В.А. Каждого из нас звание свято. Гоголь и Император Николай I. К 160-летию со дня смерти Государя Николая Павловича [Электронный ресурс] // Преподаватель XXI век. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazhdogo-iz-nas-zvanie-svyato-gogol-i-imperator-nikolay-i-k-160-letiyu-so-dnya-smerti-gosudarya-nikolaya-pavlovicha> (дата обращения: 30.05.2018).
28. Воскресенский Г. По поводу пятидесятилетия со дня кончины Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского // Богословский вестник. 1902. Т. 3. С. 596–620.
29. Вяземский П.А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1982. 462 с.
30. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
31. Гелнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
32. Гончаров Ю.М. Общественные праздники в городах Сибири в конце XIX начале XX в [Электронный ресурс] // Известия АлтГУ. 2013. № 4 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyye-prazdniki-v-gorodah-sibiri-v-kontse-xix-nachale-xx-v> (дата обращения: 03.06.2018).
33. Горский А. Хроника Академической жизни. Литературный вечер в память Н.В. Гоголя. О страшном у Гоголя // Богословский вестник. Т. 2. № 5. 1909. С. 120–124.
34. Григорьев А.А. Русская литература в 1851 году // Москвитянин. 1852. Т. 1. С. 1–29.
35. Гронас М. Безымянное узнаваемое, или Канон под микроскопом // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 68–86.
36. Грякалова Н.Ю. XX век открывает Гоголя (Гоголевские дни 1909 года) // Феномен Гоголя. Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. (Москва – Санкт-Петербург 5–10 октября 2009 года) / под. ред. Виролайнен М.Н., Карпова А.А. СПб.: Петрополис, 2011. С. 681–695.

37. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1994. 353 с.
38. Гуссов В.М. Венок на могилу Гоголя в пятидесятиую годовщину его смерти // Сборник статей, посвященных памяти Гоголя и Жуковского. Воронеж, 1902. С. 1–17.
39. Гуськов Н.А. Смерть Гоголя и ранняя советская литература // Феномен Гоголя. Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. (Москва – Санкт-Петербург, 5–10 октября 2009 года) / под. ред. М.Н. Виролайнен. А.А. Карпова. СПб.: Петрополис, 2011. С. 722–783.
40. Дубин Б.В. Идея «классики» и ее социальные функции // Дубин Б.В. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М.: НЛО, 2010. С. 9–42.
41. Дубин Б.В. К проблеме литературного канона в нынешней России // Дубин Б.В. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М.: НЛО, 2010. С. 66–75.
42. Дубин Б.В. Классик – звезда – модное имя – культовая фигура: О стратегиях легитимации культурного авторитета // Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 324–330.
43. Дубин Б.В. Классика, после и вместо: О границах и формах культурного авторитета // Дубин Б.В. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М.: НЛО, 2010. С. 96–107.
44. Дубин Б.В. Массовая словесность – национальная культура – формирование литературы как социального института // Дубин Б.В. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М.: НЛО, 2010. С. 84–95.
45. Дубин Б.В. О границах в культуре, их блюстителях и нарушителях, изобретателях и картографях // Дубин Б.В. Классика, после и

рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М.: НЛЮ, 2010. С. 112–118.

46. Елисеев Г.З. Гоголь. Из посмертных бумаг // Русское богатство. 1902. № 1. С. 37–71.

47. Еремеева С.А. Бремя памяти: некролог как академическая практика [Электронный ресурс] // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2012. № 11 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bremya-pamyati-nekrolog-kak-akademicheskaya-praktika-1> (дата обращения: 30.05.2018).

48. Жилякова Н.В. Два «Литературных юбилея»: проблемы рецепции творчества русских писателей в провинциальной дореволюционной периодике [Электронный ресурс] // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dva-literaturnyh-yubileya-problemy-retseptsii-tvorchestva-russkih-pisateley-v-provintsialnoy-dorevolyutsionnoy-periodike> (дата обращения: 03.06.2018).

49. Жуковский В.А. Письма к разным лицам. [Электронный ресурс] 2009. URL: <http://www.knigafund.ru/books/36079/read> (дата обращения: 03.06.2018).

50. Заметки для биографии Гоголя // Современник. Т. 35. 1852. С. 141–149.

51. Зоркая Н. Предисловие (Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения) // М.: Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–39.

52. Иглтон Т. Теория литературы. Введение. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 296 с.

53. Известие о смерти Гоголя // Санкт-Петербургские ведомости. 1952. № 52.

54. Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход / В. Изер; сост. И. В. Кабанова // Современная литературная теория. Антология. М.: Флинта, Наука, 2004. С. 201–224.

55. Изер В. Рецептивная эстетика. Проблема переводимости: герменевтика и современное гуманитарное знание // Академические тетради. Вып. 6. М., 1999. С. 59–96.
56. Картаусова Н.В. Некролог как своеобразная форма литературного портрета [Электронный ресурс] // Ценности и смыслы. 2010. № 6 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekrolog-kak-svoeobraznaya-forma-literaturnogo-portreta> (дата обращения: 30.05.2018).
57. Когда родился Гоголь. Метрическая выпись // Пробуждение. № 6. 1909. С. 162.
58. Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. 336 с.
59. Коняева Ю.М. «Ушедшие в вечность»: речевая репрезентация творческой личности в некрологе [Электронный ресурс] // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ushedshie-v-vechnost-rechevaya-reprezentatsiya-tvorcheskoy-lichnosti-v-nekrologe> (дата обращения: 30.05.2018).
60. Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 365–376.
61. Лотман Ю.М. Смерть как проблема сюжета // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 417–430.
62. Луцевич Л.Ф. Авторецепция как попытка формирования литературной репутации в <Авторской исповеди> Николая Гоголя // Творчество Гоголя и русская общественная мысль. Тринадцатые Гоголевские чтения: сборник научных статей. Новосибирск, 2013. С. 176–184.
63. Макашова А.С. Государственные праздники в истории культуры России и концепция «Изобретения традиции» Э. Хобсбаума [Электронный ресурс] // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2013. № 4 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennye-prazdniki-v-istorii-kultury-rossii-i-kontsepsiya-izobreteniya-traditsii-e-hobsbauma> (дата обращения: 02.06.2018).

64. Маленький фельетон. Долой Гоголя! // Сибирская жизнь. № 31. 1902. С. 3.
65. Машковцева Л.Ф. Иосиф Бродский: формирование литературной репутации: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2012. 199 с.
66. Мельникова Е.Г. Понятие рецепции: современные исследовательские подходы к анализу текстов культуры [Электронный ресурс] // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-retseptsii-sovremennye-issledovatel'skie-podhody-k-analizu-tekstov-kultury> (дата обращения: 28.05.2018).
67. Мережковский Д.С. Гоголь и черт. М.: Книжный клуб Книговек. 2010. 384 с.
68. Муравьева О.С. Два юбилея (Пушкин, Гоголь и русское общество) // Феномен Гоголя. Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. (Москва – Санкт-Петербург 5–10 октября 2009 года) / под. ред. Виролайнен М.Н., Карпова А.А. Спб.: Петрополис, 2011. С. 667–680.
69. Муртузалиева Е.А. Типология и жанр работы Д.С. Мережковского «Гоголь и черт» и образ Гоголя в ней [Электронный ресурс] // Вестник СВФУ. 2017. № 6 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-i-zhanr-raboty-d-s-merezhkovskogo-gogol-i-chert-i-obraz-gogolya-v-ney> (дата обращения: 08.06.2018).
70. Невская Д.Р. Три фазиса признания и увенчания. К истории первых юбилеев Гоголя [Электронный ресурс] // Новый филологический вестник. 2013. №1 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-fazisa-priznaniya-i-uvenchaniya-k-istorii-pervyh-yubileev-gogolya> (дата обращения: 02.06.2018).
71. Некролог // Сын отечества. 1852. № 3. С. 24–27.
72. Несколько замечаний о причинах особенных успехов сатирической поэзии в России // Москвитянин. 1852. Т. 4. С 21–44.

73. Несколько слов о Гоголе // Московский литературный и ученый сборник. 1852. Т. 1. С. 7–12
74. Несколько слов о Жуковском // Современник. Т. 35. 1852. С. 84–87.
75. Нова Н.М. Великий юморист и подвижник (по случаю 50-летия со дня кончины Н.В. Гоголя) // Вестник всемирной истории. 1902. Т. 2. С. 20–38.
76. Оболенский Д.А. О первом издании посмертных сочинений Гоголя // Русская старина. 1878. № 12. С. 948–949.
77. Оникко К.А. Первые русские некрологи: герои и контексты [Электронный ресурс] // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-russkie-nekrologi-geroi-i-konteksty> (дата обращения: 30.05.2018).
78. Павловец М.Г. Школьный канон как поле битвы. Часть первая: историческая реконструкция // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2016. № 2 (106). С. 73–91.
79. Передовая // Енисей. № 22. 1902. С. 2.
80. Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. 3. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1886. 855 с.
81. Плюханова М.Б. К проблеме генезиса литературной биографии // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. Вып. 683. Тарту, 1986. С. 122–133.
82. Погодин М.П. Жизнь и труды Т. 11. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. 572 с.
83. Погодин М.П. Жизнь и труды. Т. 12. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича. 1898. 552 с.
84. Погодин М.П. Кончина Гоголя // Москвитянин. 1852. Т. 5. С. 47–50.
85. Погодин М.П. Поминовение по Гоголю // Москвитянин. 1852. Т. 2. С. 143–147.

86. Полевой П.Н. Гоголь. Опыт характеристики // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1902. Т. 87. С. 583–589.
87. Попов В.Н. Н.Е. Струйский и проблема литературной репутации: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Москва, 2011. 187 с.
88. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. 20 марта 1909 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1909. № 43. С. 172–182.
89. Прохорова И.Е. У истоков жанра биографии писателя в России: варианты авторской стратегии (по материалам выступлений П.А. Вяземского-биографа) [Электронный ресурс] // Новый филологический вестник. 2008. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/u-istokov-zhanra-biografii-pisatelya-v-rossii-varianty-avtorskoj-strategii-po-materialam-vystupleniy-p-a-vyazemskogo-biografa> (дата обращения: 30.05.2018).
90. Пчелка. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1852. № 43. С. 170–172.
91. Рейтблат А.И. Этапы и источники построения биографического нарратива (на материале биографий Ф.В. Булгарина) // Рейтблат А.И. Писать поперёк: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 211–226.
92. Рейтблат А.И. Биографируемый и его биограф // Рейтблат А.И. Писать поперёк: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 188–197.
93. Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении (О литературной репутации Пушкина) // Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 14–29.
94. Рейтблат А.И. Некролог как биографический жанр // Рейтблат А.И. Писать поперёк: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 343–353.

95. Рейтблат А.И. Русская литература как социальный институт // Рейтблат А.И. Писать поперёк: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 11–32.
96. Рейтблат А.И. Что не попадает в биографию? // Рейтблат А.И. Писать поперёк: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 203–210.
97. Розанов И.Н. Литературные репутации. М.: Советский писатель, 1990. 464 с.
98. Савинкова Т.В. Юбилей Гоголя и проблемы национальной идентификации [Электронный ресурс] // Управленческое консультирование. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yubiley-gogolya-i-problemy-natsionalnoy-identifikatsii> (дата обращения: 02.06.2018).
99. Селезнев М.Б. Литературная репутация Ф.В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820–1840-х годов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Челябинск. 2008. 183 с.
100. Скабичевский А.М. Очерки русской цензуры. СПб.: «Общественная польза», 1892. 320 с.
101. Скороходов М.В. Смерть Есенина как культурологический феномен [Электронный ресурс] // Вестник Новгородского государственного университета 2009. № 54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smert-esenina-kak-kulturologicheskii-fenomen> (дата обращения: 30.05.2018).
102. Соломонова В.В. В. Белинский и К. Аксаков в контексте общественно-литературной борьбы между западниками и славянофилами [Электронный ресурс] // Вестник ОмГУ. 2013. № 1 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-belinskiy-i-k-aksakov-v-kontekste-obshchestvenno-literaturnoy-borby-mezhdu-zapadnikami-i-slavyanofilami> (дата обращения: 30.05.2018).
103. Стариков М.В. Некролог как письмо-макияж [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2000. № 7 (23). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/nekrolog-kak-pismo-makiyazh> (дата обращения: 30.05.2018).

104. Стаселько К.И. Социология литературы Пьера Бурдьё [Электронный ресурс] // Социологический альманах. 2017. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologiya-literatury-piera-burdie> (дата обращения: 27.05.2018).

105. Сухих И.Н. Русский литературный канон XX века: формирование и функции [Электронный ресурс] // Вестник РХГА. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-literaturnyy-kanon-hh-veka-formirovanie-i-funksii> (дата обращения: 28.05.2018).

106. Телеграммы // Енисей. № 22. 1902. С. 1.

107. Терц А. В тени Гоголя. München: ImWerdenVerlag, 2009. 258 с.

108. Томская хроника. К чествованию памяти Н.В. Гоголя // Сибирская жизнь. № 38. 1902. С. 3.

109. Трунин М.В. Литературная репутация М.Н. Лонгинова: 1850-е – 1870-е годы: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2010, 210 с.

110. Туницкий Н. Хроника Академической жизни. Литературный вечер в память Н.В. Гоголя. Вступительное слово руководителя Литературного Кружка // Богословский вестник. Т. 2. № 5. 1909. С. 111–114.

111. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 11 т. Т. 11. М.: Наука. 1983. 527 с.

112. Турышева О.Н. Теория и методология зарубежного литературоведения: учебное пособие. М.: «ФЛИНТА», «Наука». 2012. 160 с.

113. Фомин К.А. Концепция рецептивной эстетики Ханса Роберта Яусса как принцип конституирования и динамики литературной традиции [Электронный ресурс] // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2015. № 2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-retseptivnoy-estetiki-hansa-roberta-yaussa-kak-printsip-konstituirovaniya-i-dinamiki-literaturnoy-traditsii> (дата обращения: 28.05.2018).

114. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.
115. Хармс Д. Полное собрание сочинений. Т. 2. Спб.: Академический проект, 1997. 504 с.
116. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1 (8). С. 47–62.
117. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / ред. А. Вдовин, Р. Лейбов // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IX. Тарту, 2013. С. 7–34.
118. Хроника // Енисей. № 24. 1902. С. 3.
119. Хроника // Енисей. № 21. 1902. С. 3.
120. Хроника внутренней жизни. Эпизоды Гоголевского юбилея // Русское богатство. 1902. № 3. С. 158–161.
121. Циркуляры министерства народного просвещения // Журнал министерства народного просвещения. 1902. Т. 340. С. 18–72.
122. Чапаева Л.Г. Идеологический дискурс 1830–1840-х годов: явные и скрытые смыслы лингвоидеологом [Электронный ресурс] // Вестник МГЛУ. 2010. № 601. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskiiy-diskurs-1830-1840-h-godov-yavnyie-i-skrytye-smysly-lingvoideologem> (дата обращения: 30.05.2018).
123. Черновская М. Основные направления зарубежной социологии литературы // Журнал социологии и социальной антропологии, Том XIV (54). № 1. Спб.: Интерсоцис, 2011. С. 178–190.
124. Шабалдина Е.В. Н.В. Гоголь и М.А. Булгаков: мотив безумия в повестях «Записки сумасшедшего», «Портрет» и романе «Мастер и Маргарита» [Электронный ресурс] // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2016. № 2 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/n-v-gogol-i-m-a-bulgakov-motiv-bezumiya-v-povestyah-zapiski-sumasshedshego-portret-i-romane-master-i-margarita> (дата обращения: 07.06.2018).

125. Щебальский П.К. Исторические сведения о цензуре. СПб.: Типография Ф. Персона, 1862. 108 с.
126. Щеглов И. Подвижник слова. Новые материалы о Гоголе. СПб.: МИР, 1909. 178 с.
127. Ямпольский М. Литературный канон и теория «сильного» автора. [Электронный ресурс] // Иностранная литература. 1998. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/12/iamp.html> (дата обращения: 29.04.2017).
128. Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.
129. Яусс Х.Р. К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 97–106.
130. Brooks J. Russian Nationalism and Russian Literature: the Canonization of the Classics // Nation and Ideology. Essays in Honor of Wayne S. Vucinich. Boulder; New York, Columbia university press, 1981. P. 315–334.

